

Еще раз про
любовь

Литературное
приложение
к журналу

Все
для женщины

Ирина Мартова

**КОГДА
ЗАКОНЧИТСЯ
ДЕКАБРЬ...**

Еще раз про любовь

Ирина Мартова

Когда закончится декабрь...

«ИМ Медиа»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Мартова И. В.

Когда закончится декабрь... / И. В. Мартова — «ИМ Медиа»,
2022 — (Еще раз про любовь)

ISBN 978-5-6046465-4-0

Верите ли вы в чудо? Даже если не верите, жизнь все равно дает вам надежду на то, что чудо может произойти. Надо только правильно разгадать судьбоносные подсказки... Рыжеволосую библиотекаряшу Глафиру всегда и во всем поддерживают ее мать и подруга детства, хозяйка салона красоты, Евгения. А еще они горят желанием устроить личную жизнь доброй и сердобольной девушки. Однажды Глафира знакомится с Павлом, известным журналистом, и его приемным сыном Матвеем, который принимает Глашу за свою мать. Девушка проникается симпатией к молодому человеку и его сынишке и мечтает о новой встрече. Она не знает, что отец Павла хранит страшную тайну, которая может перевернуть жизнь и ее, и Павла, и даже матери Глафиры...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-6046465-4-0

© Мартова И. В., 2022

© ИМ Медиа, 2022

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	39
Глава 10	45
Глава 11	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ирина Владимировна Мартова

Когда закончится декабрь...

Роман

*«Всеми свой час и время
всякому делу под небесами:
время родиться и время умирать.
Время разрушать и время строить.
Время разбрасывать камни
и время складывать камни.
Время молчать и время говорить...»
Соломон. «Экклезиаст»*

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© И. В. Мартова, 2022

© ООО «ИМ МЕДИА», 2022

Вместо предисловия

Год, наконец, заканчивался.

Она подводила итоги. Удаляла из телефона ненужные сообщения, составляла список продуктов к новогоднему столу, записывала свои мысли в дневник, складывала вещи в шкаф, наводила порядок в багажнике машины...

Вспоминала совершенные за год глупости, прятала подальше бесконечные эмоции, разглядывала приготовленные подарки. Рвала бесполезные связи, бросала в печку оплаченные счета, вставляла в рамки черно-белые фотографии, перематывала клубок воспоминаний, находила оправдание подлостям, истерично хохотала над пролитыми слезами и сожалела о бессонных ночах.

Убеждала себя в правоте, старательно вычищала обувь и заваривала травяной чай, разбавленный янтарным медом. Строила планы на грядущий год, мечтала о новой любви, об интересных встречах, звонила друзьям, просила прощения и старательно раскладывала новогодний пасьянс.

А потом вдруг опомнилась. Какие итоги? Какие выводы? Ведь наша жизнь имеет в точности ту ценность, которой мы сами хотим ее наделить. И надо просто любить. Ждать и радоваться...

И, конечно, помнить: каждому воздастся по заслугам.

Глава 1

Ноябрь закончился... Сырой, сумрачный, свинцовый, он словно специально тянулся долго, мучительно отсчитывал дни и ночи, Пугал повисшей над городом влажной серостью.

Иногда, обозлясь, хмуро кидал горсти колючего снега в окна, разбрасывал мелкое крошево по тротуарам и крышам. Разъяренно хлестал по уставшим лицам прохожих поземкой...

Затем, будто спохватившись, озарял серое небо улыбкой, выталкивая уже остывшее солнце из-за горизонта на давно поблекший небосвод.

Глаша брела по улице, угрюмо глядя на бегущих прохожих. Холодный ветер нещадно бил по лицу резкими порывами, дергал за полы длинного пальто, играл кистями шарфа, завернутого несколько раз вокруг шеи, охлаждал колени и ладони. Она, не обращая внимания на сердитые объятия ветра, спокойно достала из сумки завалявшийся с вечера бублик и стала с аппетитом его жевать, роняя на землю крупные крошки.

Настроение было ужасным. Да и чему радоваться?

Глаша вздохнула, откусив большой кусок безвкусного бублика.

Толстая, некрасивая, нелюбимая, одинокая...

Она отряхнула крошки, запутавшиеся в складках шарфа, и, поправив выбившиеся из-под вязаной шапки с помпоном волосы, вдруг услышала непонятное шлепанье и оглянулась.

Шагах в трех стояла большая рыжая собака и внимательно смотрела на нее. Глаша, относящаяся к собакам с недоверием и осторожностью, мрачно глянула на животное и сердито топнула ногой.

– Иди отсюда! Фу!

Собака, испуганно отскочив метра на два назад, остановилась.

– То-то же, – Глаша удовлетворенно кивнула и неторопливо пошла дальше.

Вечерело. Витрины магазинов, уличные фонари, неоновые вывески, иллюминация светились, переливались миллионами огней, создавая ощущение не то праздника, не то волшебства. Но на Глашу все это не действовало.

Пройдя метров пятнадцать, она остановилась на переходе у светофора, и, обернувшись, увидела, что рыжая собака идет за ней следом.

– Тебе чего надо, а? – досадливо нахмурилась Глаша.

Собака подошла ближе и, не моргая, уставилась на нее, поворачивая свою крупную голову то на один бок, то на другой, словно старалась разгадать смысл произнесенных слов.

– Ты смотри, какая настырная, – удивленно хмыкнула Глаша. – Бублик хочешь, что ли? – Глаша с сожалением посмотрела на остаток бублика и кинула его собаке. – На, ешь. И не ходи за мной.

Собака опасливо наклонилась к куску бублика, мягко коснулась его губами и мгновенно проглотила, даже не пережевывая. А затем, словно в знак благодарности, подошла к Глаше и улеглась у самых ее ног, доверчиво опустив голову на вытянутые лапы.

– Ты чего? – поразилась Глаша. – Иди отсюда! Фу!

Но собака подвинулась еще ближе и коснулась мордой Глашиных сапог. Глаша отступила на шаг и удивленно наклонилась к животному.

– Ты что, меня выбрала? Это ошибка! Иди домой... Тебя, наверное, ищут.

– Да никто не ищет ее, – проходящая мимо женщина жалостливо кивнула на собаку. – Видите, какая она грязная и неухоженная. Бедное животное... Забирайте, – она пошла дальше.

– Умные все такие, – раздраженно буркнула Глаша. – Вот и забирайте себе, – она растерянно потопталась на месте, умоляюще посмотрела на собаку. – Иди, а? Отстань, слышишь? Уходи, сейчас закричу!

Но собака, доверчиво перебирая ушами, жалась к ее сапогу. Тогда Глаша повернулась и, набрав воздуха в легкие, побежала по улице, надеясь оторваться от неожиданной спутницы.

Пробежав метров двадцать, она, запыхавшись, оглянулась... Собака бежала следом. Шаг в шаг...

– Так, понятно, – Глаша обреченно развела руками. – Что с тобой делать, пошли...

Вера Павловна, ее мама, едва Глаша с собакой переступила порог квартиры, обмерла от неожиданности.

– Боже мой! Глафира! Что это?

– Не что, а кто, – Глаша, стаскивая с ног сапоги, досадливо поморщилась. – Это собака. Привет, мам.

Вера Павловна, заведующая детским садиком, женщина строгая, пунктуальная и чрезвычайно щепетильная, нервно сдвинула брови.

– Вижу, что не бегемот. Но я хочу знать, что она делает в нашей квартире?

– Не знаю, – развела руками Глаша. – Она выбрала меня. Не бросать же ее на улице.

– Как это выбрала? – Мать недоуменно захлопала глазами. – Она тебе что, сообщила об этом?

– Нет, – усмехнулась дочь, – я поняла это по ее глазам.

Неторопливо сняв пальто, Глаша надела на ноги видавшие виды домашние тапочки и, погладив собаку по голове, указала на коврик возле двери.

– Вот твое место. Дальше нельзя, а то мама нас с тобой вместе выставит на улицу!

– Очень смешно, – мать брезгливо поглядела на непрошеную гостью. – Что мы с ней будем делать? Я не хочу, чтобы в моем доме жила собака. Выведи ее на улицу! Сейчас же!

Глаша тут же послушно кивнула, и, открыв входную дверь, бесстрастно кивнула собаке:

– Иди!

Собака даже ухом не повела. Презрительно глянув на открытую дверь, она прошла к коврику, по-хозяйски улеглась на него и, вильнув хвостом, широко зевнула.

Глаша победно улыбнулась, захлопнула дверь и торжествующе пожала плечами.

– Вот! Не идет! Хочет жить с нами, – она подмигнула собаке. – Ну, ты и нахалка!

Мать, возмущенно покачала головой и пошла на кухню.

– Так и быть, пусть переночует. Одну ночь. Но завтра чтоб духу ее здесь не было, поняла? Она же грязная, вонючая...

Собака, подняв голову, вдруг обиженно заворчала.

– Не вонючая, – Глаша захохотала. – Видишь, она даже обиделась.

– Только до завтра, – Вера Павловна сделала вид, что не слышит.

Глаша, решив не отвечать, чтобы не обострять отношения, прошла в ванную, долго умывалась и, поглядев на себя в зеркало, пожала печами.

– Поздравляю! Теперь ты не одинока, у тебя есть собака.

Вера Павловна нетерпеливо заглянула в ванную.

– Глаша, иди ужинать!

Переодевшись в домашний халат, дочь присела за стол.

– Не хочу, мам.

– Почему? Опять булки ела? – Вера Павловна нахмурилась. – Сколько раз можно повторять: тебе не надо есть сдобное! Ты испортишь желудок, есть всухомятку вредно.

– Хочешь сказать, я толстая? Поэтому мне булки нельзя? – Глаша выразительно глянула на нее. – Вот почему, мам, ты меня такой родила?

– Какой такой? – сердито спросила мать.

– Вот такой, – Глаша расстроено указала на себя. – Толстой, некрасивой, да еще с таким именем...

– Да ты что, Глашка? – Вера Павловна обняла дочь за плечи. – Как же ты себя недооцениваешь... Во-первых, ты не толстая, а просто упитанная, крепко сбитая, аппетитная. Во-вторых, ты очень-очень хорошенькая: волосы рыжие, глаза черные, как бусинки или вызревшая вишня, кожа бархатная, как персик... Ну, и в-третьих, имя у тебя самое красивое на свете – Глафира! Ты же знаешь, что я тебя в честь бабушки назвала? А сейчас что? Все везде одинаковое – одежда, женщины, улицы... Макияж, цвет волос, имена... А ты у меня – товар штучный, редкий, на вес золота!

– Ага, – улыбнулась Глаша, – именно поэтому ты мне каждый день про диеты талдычишь?

– Ну, это ж я так... Для порядка, – засмеялась Вера Павловна. – Но любить себя надо такой, какая ты есть, в этом залог гармонии. Кстати, как, зовут этого троглодита?

– Не представляю, – пожала плечами Глаша. – Наверное, Федор.

– Федор? – изумилась мать. – Почему?

– Потому что моего последнего ухажера звали Федор. Это ему в отместку!

– А если это девочка?

– Тогда Федора, – захохотала Глаша. – Помнишь сказку про Федорино горе? Вот и эта бедная собака еще не знает, какое горе ждет ее от твоей муштры!

– Замолчи, болтушка! Давай-ка ешь и, кстати, Федора своего покорми...

День подошел к концу. Последний день ноября. Серого, тусклого, угрюмого...

Глава 2

Проснувшись, Глафира взяла телефон и посмотрела на число. Так уж повелось с детства, что просыпаясь, она всегда обязательно спрашивала у мамы: «Мам, какое сегодня число?»

Зачем спрашивала? Для чего ей непременно надо быть уточнить нынешнюю дату – никто не понимал, но все в доме привыкли к этой странности любимой Глашеньки и с готовностью отвечали на первый утренний вопрос. Став старше, Глаша уже не уточняла у мамы или бабушки число текущего дня, а сама смотрела то в календаре, то на телефоне.

Улыбнувшись детским воспоминаниям, она прочитала: сегодня первое декабря!

Вот и декабрь. Холодный, морозный и изменчивый. То снежный, то ветренный. Беспокойный, мятежный и хлопотливый зимний первенец. В старину его называли поэтично: студень, ветровон, заморозь и лютовей. А еще – ледостав, прибориха и узорник.

Декабрь землю студит, воды замораживает, год заканчивает и зиму начинает. Это месяц первых белых троп и Рождественского поста. Декабрьские ночи длинные, морозны и уютны. Леса тихи и безмолвны. Реки спокойны и сонливы.

Декабрь – переменчивый и суетной. Новогодний, праздничный, хлебосольный. Долгожданный, любимый и волшебный... Конец года, пора чудес, магический праздник детства...

Глафира, обожавшая декабрь, мечтательно улыбнулась, но тут же спохватилась. Лежать и мечтать было некогда, поэтому, схватив халат, она кинулась в ванную.

Телефон зазвонил как раз в тот момент, когда Глаша, встав под душ, с удовольствием представляла, как все ее лишние жиры и ненавистный плохой холестерин смываются струей теплой воды, плавают под действием пара и удаляются навсегда из тела. Организм очищается, делаясь кристально чистым и удивительно стройным.

Эта каждодневная медитация на похудение, навязанная лучшей подругой Женькой, в миру Евгенией Борисовной Кравченко, результатов пока не давала. Но Глафира, привыкшая подчиняться более энергичной и напористой подруге, послушно повторяла одни и те же слова, поначалу вообще вызывающие у нее гомерический хохот.

Женька, прекрасно знающая медлительную, спокойную и неторопливую Глашу, спуска ей не давала, каждый день звонила с утра пораньше.

– Душ уже принимала? – строго интересовалась подруга. – Слова повторяла?

– Повторяла, – обреченно кивала Глаша.

Женька с первого раза не верила. Повысив голос на полтона, она въедливо уточняла:

– Повторяла?

– Да повторяла, – сердито вздыхала Глаша. – Пустое это дело, Женька, бестолковое.

– Ты, главное, меньше вздыхай, – не отставала Женька. – Знай себе делай. Я тебе еще аффирмации скину, слушай на сон грядущий. Очень помогает.

– Какие еще аффирмации? Зачем?

– Аффирмация – это позитивное утверждение. Краткая фраза самовнушения, которая создает правильный психологический настрой.

– Мне этого не нужно. У меня и так настрой хоть куда, – Глаша слабо пыталась протестовать. – Ты занимаешь мое личное пространство своими выдумками!

– Что? – Женька на секунду замолкала, очевидно, переваривая жалкие потуги Глашиной борьбы за свободу выбора, но потом озабоченно хмыкала. – Не спорь! Аффирмации – то, что тебе нужно. Я лучше знаю.

Глаша послушно кивала, не спорила, но присланные аффирмации не включала, не слушала и не собиралась в них вникать. Ей вполне хватало и утренних медитаций под горячем душем.

Сегодня полностью насладиться утренними упражнениями по очищению организма не удалось, потому что в самый интересный момент запел телефон. Он трезвонил и трезвонил, замолкая на мгновение и оживая тут же, требуя срочного внимания.

Глаша, недовольно переступив с ноги на ногу, дернула рукой, стряхивая поток воды и, вытащив руку наружу, взяла трубку:

– Да?

В трубке сначала что-то потрескивало, а потом донеслось с трудом разбираемое:

– Глашенька! Это Серафима Васильевна.

– Слушаю, – удивленно округлила глаза Глаша.

Серафима Васильевна, заведующая библиотекой, где уже лет десять работала Глафира, просто так никогда не звонила. Она ценила свое время, была строга и бескомпромиссна, и если уж позволила себе так рано побеспокоить сотрудницу, значит, что-то действительно случилось.

В трубке трещало и попискивало, но Глаша расслышала просьбу выйти на работу во вторую смену.

– Серафима Васильевна, я же сегодня выходная, – забыв о субординации, возмутилась Глаша.

– Глафира, нужно, – голос заведующий из мягкого карамельного стал металлическим. – Это производственная необходимость.

Глаша, чувствуя, как капельки воды, остывая, стекают по мокрой спине, поежилась.

– Но и на прошлой неделе случилась такая же необходимость! Вы помните? Почему всегда я?

Серафима Васильевна, шумно вдохнув порцию воздуха, видно, приготовилась к очередной атаке, но Глаша, устав топтаться в мокрой ванне сердито буркнула:

– Хорошо. Приеду.

Радостное утреннее настроение прощально махнуло рукой. Замотав мокрую голову полотенцем, Глаша вышла в коридор и, испуганно ойкнув, посмотрела на собаку, лежащую на коврике у самого входа.

– Господи! А про тебя-то я совсем забыла! Тебя же вывести надо, да?

Собака поднялась ей навстречу, радостно зашевелила ушами.

– Хочешь гулять? – улыбнулась Глафира и вдруг увидела на доске приколотую записку.

У них с мамой давным-давно так повелось: если что-то надо было сообщить, то они, уходя из дома, вешали у входа записку. Для этих целей Вера Павловна лет десять назад приобрела магнитную доску, повесила ее на простенок у входа и с удовольствием пользовалась, оставляя дочери, любящей поспать, всяческие указания.

Этот способ общения они обожали. Иногда Глаша, провинившись, могла написать просто: «Мама, прости» или «Не сердись на глупую дочь», а мать очень часто писала: «Люблю мое рыжее солнце» или «Не ешь булки!»

Сегодня записка гласила: «Федора выводила. Он оказался разумным существом. Покормила его кашей (вообще-то понятия не имею, что едят собаки!). Забери вещи из химчистки. И не забудь отвести Федора к ветеринару – нам только инфекций каких-нибудь не хватало! Целую. Мама. P. S. И перестань есть булки!»

– Мне это нравится. Про булки-то она не позабыла, – удивленно хмыкнула Глаша и подмигнула собаке. – Ветеринар отменяется. У меня сегодня, оказывается, работа!

День покатился. Первый день декабря. Первый день грядущей зимы.

Уже давно началась пора мягких пледов и шерстяных носков. Особого остро-пряного воздуха по утрам, чуть с горчинкой, как свежесваренный кофе. А теперь добавилась пора колючего снега и хмурых, низких рваных облаков, огненной заледенелой рябины и хрупкой оголенности деревьев.

В декабре ты вдруг становишься более задумчивым и умиротворенным. И легкая ноябрьская грусть по утрам вдруг делается по-декабрьски густой и тяжелой. И ты отчего-то тоскуешь по вечерам. И хочется долго молчать, застыв у окна, в которое колотится замерзший ветер, или глядеть на огонь, присев у старой бабушкиной печки. И хочется вспоминать былое, и плакать, и любить... Любить безоглядно, нежно и преданно...

Глаше думать о вдруг объявившейся зиме было некогда. Торопливо покидав в свою огромную бездонную сумку, которую мама называла нищенской котомкой, все необходимое, Глаша погладила собаку по голове.

– Извини, Федор, сегодня не до тебя.

Она понеслась к автобусной остановке, на ходу откусывая прихваченный из дома мятный пряник. Втиснувшись в автобус, Глаша несколько раз подергала плечами, потолкалась, выставив локти, освободила себе жизненное пространство и, вставив в уши новомодные наушники, затихла. Очевидно, на ее лице отразилось что-то неожиданное, потому что сидящая напротив пожилая дама, без всякого стеснения рассматривающая Глашу, вдруг обеспокоенно дернула ее за полу пальто.

– Женщина, что там? Плохие новости?

Глаша вопроса не услышала, но отреагировала на дерганье. Вытащив из уха один наушник, она нахмурилась:

– Что?

– Что за манера у нынешней молодежи отвечать вопросом на вопрос? – пожилая дама сердито свела брови.

– Я не слышала, о чем вы спросили, – пожала плечами Глаша.

– Плохо, что не слышали! Вы теперь вообще ничего не слышите. Заткнете уши и бредете по жизни как во сне.

Глафира растерянно уставилась на нее, не понимая причины раздражения, но, стоящий рядом с Глашей молодой мужчина добродушно подмигнул, кивнув на даму.

– Ей, видно, не с кем поговорить. Не обращайтесь внимания.

Глаша, вздохнув, вернула наушник в ухо и, демонстративно отвернувшись от противной пассажирки, принялась спокойно дослушивать «Солнечный удар» Бунина.

Уже у самого входа в библиотеку зазвонил телефон. Чертыхаясь, запыхавшаяся Глаша достала его и, увидев на экране имя подруги, застонала.

– О, нет! Не сейчас... – она все же ответила. – Женька, мне некогда!

На другом конце провода подруга что-то говорила, но Глаша не вслушивалась.

– Все, все, все, – выпалила она. – Все новости вечером. Люблю. Целую.

Она дала отбой, уже предчувствуя вечернюю головную боль.

Глава 3

Глафира Сергеевна Машкова в этом году отпраздновала свой тридцать пятый день рождения. В юбилейный день, проснувшись чуть свет, она озабоченно села в кровати, подложив подушку под спину, и задумалась.

«Тридцать пять! Катастрофа! Столько лет прожила, а ничего доброго не нажила. Не зря мама всегда говорит, что я – настоящая черепаха: медленно хожу, медленно думаю, медленно ем... – Глаша вздохнула. – Вот, наверное, и счастье мое черепашьё такое же медлительное, не торопится. Где-то тянется, останавливается, зеваёт и отдыхает».

Глаша родилась в неполной семье. Ее мама, педагог по образованию, влюбилась на последнем курсе института в мужчину, поначалу даже не зная, кто он и чем занимается. Просто увидела в фойе театра красавца в форме военного летчика, который, по воле случая, оказался в соседнем кресле в седьмом ряду партера. Они разговорились в антракте, познакомились, посмеялись, а после спектакля он пошел ее провожать.

Сергей, военный летчик, служил в полку, базирующемся очень далеко от Москвы, и здесь оказался в командировке. Голову он девушке не кружил, ничего сверхъестественного не обещал, никаких сказок не рассказывал. Был честен, улыбчив и очень деликатен.

Вера Павловна, тогда просто Верочка, влюбившись без памяти, глаз не могла оторвать от летчика, а он, умудренный и возрастом, и должностью, поначалу лишь снисходительно глядел на забавную девчушку, которая звонко хохочет и интересно рассказывает.

Однако к концу двухнедельной командировки Сергей внезапно обнаружил, что это рыже-волосое чудо, которое смотрит на него с нескрываемой любовью, вдруг стало ему очень дорого. Открытие застигло его врасплох и не обрадовало. Он видел, что девушка очень молода, еще не закончила институт, живет в Москве и вряд ли захочет променять столичные блага на неудобства гарнизонной жизни.

До отъезда оставался всего один вечер. И этот вечер стал роковым... Невероятно, но именно в последний вечер, по статистике, принимаются окончательные решения, делаются поспешные выводы, заключаются финальные договоры.

Родители Верочки, жившие тогда в трехкомнатной квартире, где теперь обитали Глаша с мамой, уехали на юбилей к другу в тогдашний Ленинград, и их дочь, нисколько не раздумывая, пригласила Сергея в гости.

Слово за слово, они засиделись далеко за полночь. Ели, пили чай с тортом, танцевали под любимый «BeeGees», целовались, сначала робко, потом страстно... Верочка и сама не заметила, как они с Сергеем оказались в кровати. Опомнилась только, когда зазвонил будильник, поставленный ею на пять утра. В восемь на Курский вокзал прибывала бабушка, мамина мама. Родители, уезжая в другой город, строго-настрого наказали дочери встретить бабушку на вокзале.

Испуганно поглядев на спящего мужчину, Верочка схватилась за голову. Не то что она сожалела о случившемся, вовсе не это ее волновало. Пугало лишь то, что сегодня летчик должен отбыть в гарнизон, и она представить не могла, как теперь останется в огромном городе без него, без их каждодневных встреч, без его сияющих глаз и теплых рук.

Натянув одеяло до глаз, Верочка прислонилась к плечу мужчины и горько заплакала. Сергей, проснувшись, долго не мог понять, отчего так горько плачет девушка, а потом улыбнулся.

– Верочка, я тебя не бросаю. Не смей так думать. То, что произошло между нами, не интрижка, не однодневная связь. Ты мне очень дорога. Но, согласись, ты не можешь сейчас ехать со мной. А твоя учеба? А твои родители? Ты на пятом курсе, сейчас сентябрь. Осталось совсем ничего. Ты доучишься этот год, и мы поженимся. Слышишь?

– Слышу, – глотала слезы девушка, громко сморкаясь и вытирая слезы кулачком.

Сергей был старше Веры на десять лет. В тот год ему едва исполнилось тридцать два года. И хоть для мужчины, как говорят, внешность не главное, выглядел Сергей умопомрачительно. Высокий, широкоплечий, с темными, цвета кофе, волосами. Все в нем казалось достаточным: и глаза, темно-серые, опущенные густыми темными ресницами, и брови вразлет, и волевой подбородок.

Верочка все смотрела и смотрела на него, словно хотела запечатлеть этот образ навсегда в своем сердце.

Прощались они наспех. Он торопился в гостиницу, она на вокзал. Обнимая Сергея, Вера вдруг увидела за правым ухом странное родимое пятно. Оно в точности повторяло очертания молодого, только что народившегося месяца. Эдакий серп без молота.

– Что это? – Верочка тронула его пальцем.

– Родимое пятно. У нас в роду у всех кровных родственников по отцовской линии такое есть. Мама шутит, что мы все меченые. Но за ухом его никто почти и не видит. Только самые близкие знают.

Сергей уехал в свой гарнизон. Верочка поначалу места себе не находила, но потом чуть успокоилась, стала ему письма писать. Он не прятался, на письма отвечал, звал в гости. И она после зимней сессии отправилась к нему в часть.

Счастью ее не было предела. Жила она, правда, в гарнизонной гостинице, но Сергей каждую свободную минуту проводил с ней. И Вера, сгорая от любви, дарила ему всю себя, не думая о последствиях.

Правда, однажды, уже почти перед отъездом, ей пришлось выслушать отповедь пожилой горничной.

Глядя, как Вера нетерпеливо вертится у окна, ожидая Сергея, она желчно хмыкнула:

– Ох, и дуры бабы! Дуры натуральные!

– С чего это вы так сердитесь? – удивленно обернулась к ней Верочка.

– Да как же не сердиться? Как тебя родители-то к мужику взрослому отпустили? Где их голова-то была?

– А причем здесь мои родители? – раздраженно покраснела девушка.

– А притом, – яростно выдохнула горничная. – Знаешь, сколько я здесь видела девчонок приезжих с чемоданами? А какие они планы строили! А потом с этими же чемоданами уезжали отсюда восвояси. Все в слезах. Мужику что? Наиграется, натешится, и махнет ручкой на прощание. А вы, дурехи, верите.

Верочка, возмущенно сжала кулаки и даже ногой притопнула от досады.

– Во-первых, это не ваше дело, не лезьте в чужую жизнь. А во-вторых, вы не можете всего знать наперед. А Сергей не такой, он не бабник.

– Ну-ну... – пожилая женщина смерила ее сочувствующим взглядом и пошла, чуть ссутулившись, по коридору. В дверях вдруг остановилась и оглянулась. – Эх, милая... Мы все такие умные и смелые поначалу. А потом детей одни воспитываем.

Как в воду глядела...

Уезжая из гарнизона, Верочка прощалась с Сергеем до июня. А оказалось, навсегда.

Они договорились, что, после защиты диплома, он приедет, и они поженятся. А потом вместе вернутся в часть.

В начале февраля он прислал письмо, в котором ничего, кроме слов о любви, она не заметила. Сергей писал о погоде, о мощных снегопадах, об учениях, о полетах... Она, прижав письмо к груди, все повторяла и повторяла его заключительные строки: «Люблю. Люблю. Люблю... Скучаю. Обнимаю».

В конце февраля Верочка обнаружила, что беременна. Похолодев от ужаса, закрылась в своей комнате и долго сидела, глядя в одну точку. Надо было сказать маме, но сил и смело-

сти не хватало. И тогда она решила сначала написать Сергею, и потом, увидев его реакцию, действовать дальше. Срочно сочинила длиннющее письмо, в котором красочно и подробно описывала свое состояние. Отправила и, сжавшись в комок от напряженного ожидания, стала дожидаться ответа.

Прошла неделя. Две. Три... Ответ не приходил.

Она написала еще одно письмо. Ответа не было. Послала телеграмму. Потом еще одну, срочную... Ничего.

Ужасно нервничая, Верочка заказала междугородние переговоры. Долго ждала соединения. Телефонистка без конца сообщала, что связи нет. Но Вера упорно ждала, не снимая вызова. Наконец, часов через пять уставший голос телефонистки сообщил ей, что вызываемый абонент на переговоры не явился.

Шел тысяча девятьсот восемьдесят шестой год. Близилась роковая девятность. Еще продолжалась война в Афганистане. Но Верочке не было никакого дела до общенародной катастрофы. Ее личный мир обрушился на нее всей своей силой...

Когда она сообразила, что ответа не будет, уже заканчивался апрель.

– Что ж, поздравляю, – Врач развела руками. – Ты чего так трясешься? Муж-то есть?

– Нет. Сделайте аборт, – отчаянно зарыдала Вера.

Женщина сняла очки, потерла усталые глаза.

– Аборт, голубушка, делать поздно. О чем раньше думала? А теперь ни я, ни кто-то другой не возьмется. Мужа нет, это я поняла, а мать знает?

– Нет еще. Сделайте, прошу вас!

Врач молча смотрела на безутешную девушку, дала ей воды, дождалась, пока та успокоится.

– Ты вот что. Горячку не пори. Пойди домой, с матерью поговори, послушай, что она скажет. Не падай духом, привыкай к мысли, что ребенок твой теперь все равно родится. А вот какой ты будешь ему матерью, только от тебя зависит.

Вера обреченно вышла из кабинета. Как добралась домой – не помнила. Что говорила матери – не удержала в голове. Выбросила вон все слова и эмоции, прозвучавшие в тот ужасный вечер.

Знала, что ребенок будет, остальное не имело значения.

Самой трудной оказалась борьба с собой. Со своей памятью. С воспоминаниями.

Несмотря ни на что, она умирала от любви. Просто умирала. Таяла, словно старая бабушкина свеча. Оплавлялась, стекала теплым воском, оставляя на подсвечнике длинные застывшие слезы. Бесконечно рыдала, превращаясь в бесформенный ком растрепанных чувств, рассыпалась крошками пересушенной, уже никому не нужной, нежности, сматывалась в клубок черной тоски. Сто раз хотела утонуть в беспомощности или отравиться бесконечными воспоминаниями.

Верочка так страдала без Сергея, что, заперевшись на ключ, сутками не включала свет и молча ненавидела всех сочувствующих ее горю.

Время шло. Постепенно она стала оживать, различать цвета, ощущать запахи и понимать, что и с такой болью можно как-то жить дальше. Жить во имя новой жизни.

Мама, войдя однажды в ее комнату, тихо прошла к окну, открыла форточку, включила свет, присела рядом и долго-долго молчала. Потом ласково погладила дочь, лежащую на кровати лицом к стене, и вздохнула.

– Верочка, все пойдет. Видно, и правда, время разбрасывать камни и время собирать, время любить и время забывать. Надо мудреть, взрослеть, прощать и прощаться. Всему, доченька, в этой жизни свое время. Сейчас время твоего ребенка, и ради него надо беречь себя. Поднимайся, умывайся и живи легко и радостно. Потому что только у счастливой матери может быть счастливый ребенок.

И началась новая жизнь. Нелегкая. Тернистая. Несладкая жизнь одинокой девушки с ребенком, потому что рождение ребенка без отца обществом тогда порицалось и осуждалось. Вера Павловна прошла через все унижения с достоинством, жила с гордо поднятой головой. Закончила институт, работала, растила дочь и оставила далеко-далеко в прошлом все свои переживания.

Да и что толку переживать? Судьба ведь сама ставит точки и запятые в книге нашей жизни, сама решает, по какой дороге нам идти. Судьба мудрее нас, и противиться ей нет никакого смысла.

Глава 4

Женька, в миру Евгения Борисовна Кравченко, слыла личностью незаурядной. Во-первых, она была потрясающей мамой, во-вторых, имела репутацию совершеннейшего профессионала и знатока своего дела.

Хороших стилистов можно по пальцам пересчитать, а Женька прославилась не только умением хорошо подстричь, покрасить и уложить волосы, но и чувством прекрасного вкуса и наличием большого такта и деликатности. Она знала, где, когда и как можно говорить, где лучше промолчать, а когда вообще надо сделать вид, что ты глуха и нема, как рыба.

Клиенты эту корректность, щепетильность и утонченность ценили, своего мастера берегли, холили и лелеяли. Ровесники, многочисленные знакомые, дамы артистического круга и высокопоставленные жены передавали ее контакты по наследству, знакомству и щедро оплачивали услуги своей любимицы. А салон красоты, который открыла шесть лет назад Евгения, стал одним из самых уютных, комфортных и приятных во всех смыслах в столице.

В жизни все компенсируется и уравнивается. Если где-то чего-то много, то в другом обязательно уменьшится, убавится. Поэтому, в отличие от профессиональной, личная жизнь у Женьки не складывалась. Ей, чистенькой, ухоженной, нарядной, всегда попадались, как она выражалась, «гадкие поганцы». Один любил выпить, причем, обязательно за счет дорогой Женечки. Ему и в голову не приходило самому оплатить продукты в магазине, бокал вина в баре, ужин в ресторане. А зачем напрягаться, ведь рядом богатенькая Женечка!

Второй, кстати, очень красивый, был одержим своей внешностью. Любая прогулка и поездка заканчивалась в торговых центрах, где он подолгу примерял костюмы, рубашки, джемпера, футболки и поло. Покончив с одеждой, с неистребимым азартом переключался на обувь. Женька, обычно сопровождавшая его, просто изнывала от скуки, маялась от безделья и про себя проклинала тот момент, когда поддалась на уговоры забежать в магазин на одну минутку.

Третий, казавшийся, на первый взгляд, наиболее адекватным, даже дотянул до ЗАГСа и, женившись на Женьке, умудрился прожить с ней в законном браке целых шесть лет. Он подарил ей дочку Ксению, которую горячо любил ровно до той минуты, пока Женька не выставила его за дверь. Он ушел и забыл и о бывшей жене, и о родной дочери, и, конечно, о своих обещаниях.

Недостатки у Евгении имелись, куда ж без них. Например, она, удивляющая клиентов деликатностью, мудростью и утонченностью, в обыденной жизни любила покомандовать. Причем, делала это часто, громко и безапелляционно. Переделать ее было невозможно, потому что она существовала по своим внутренним правилам и являла миру динамизм, порыв и изысканность.

Если разговор, то стремительный и эмоциональный, если чувства, то жгучие и страстные, если объятия, то крепкие и жаркие. Смеяться – так громко и заразительно, целоваться – так горячо и чувственно, любить – так безоглядно и пылко...

Женька терпеть не могла безразличности и тоскливости. Но на чужих людях нельзя «выпускать пар», поэтому, вынужденная сдерживать свой сумасшедший темперамент на работе, она со всей силой отрывалась на близких. И первой среди равных оказывалась Глафира.

С Глашей Евгения познакомилась давно. За полгода до школы они стали ходить в одну «подготовишку», где, сидя на разных рядах, ощутили удивительное притяжение: на перемене устремлялись друг к другу и ходили по коридору, взявшись за руки, вместе смотрели в окно, выходящее на школьный стадион.

Учительница, заметив их взаимную симпатию, первого сентября посадила девочек за одну парту. И они, совершенно разнотипные и разнохарактерные, так и просидели все долгие десять лет за одной партой в среднем ряду.

Так бывает. Прямо как в романе «Евгений Онегин», «они сошлись, вода и камень, стихи и проза, лед и пламень...». Не зря говорят, что противоположности притягиваются.

Рыжая Глаша любила все сладкое, сдобное, была упитанной и очень медлительной. Невысокая, задумчивая и обожающая литературу, она являла собой полный антипод своей подруги. Женька, высокая, стройная, длинноногая и стремительная, любила математику и танцы. Но, как ни странно, вместе им оказалось не скучно, они находили, о чем поговорить, помолчать и посмеяться.

Правда, все эти годы Евгения муштровала подругу безжалостно: пыталась ее одеть так, как советовала мода, обуть так, как учили глянцевого журналы, накрасить и уложить волосы так, как повелевали последние тенденции индустрии красоты.

Глафира отчаянно сопротивлялась. Критиковать действия подруги ей не хотелось, поэтому она просто сваливала в шкаф все, что та покупала, обувь задвигала подальше, волосы ни за что не соглашалась укладывать, и всю жизнь, наперекор Женьке, носила на голове хвостик, в который убирала совершенно прямые рыжие волосы до плеч.

Носила Глаша обычно то, что не стесняло движения и не слишком обтягивало ее и без того не худенькую фигуру. В выборе цвета одежды она тоже особо не изощрялась, предпочитая что-нибудь нейтральное, серенькое, неброское.

Евгению это жутко бесило. Однажды она, не сдержавшись, довела и себя, и Глашу до белого каления...

В прошлом году они как-то договорились встретиться в кафе. Опоздавшая Женька с ужасом обнаружила, что ее любимая подруга с аппетитом уплетает кусок торта и с наслаждением запивает его чаем.

– Ты с ума сошла? – возмущенно зашипела Евгения.

– И я рада тебя видеть, – спокойно отозвалась Глаша, продолжая пережевывать кусок шоколадного торта.

– Прекрати есть эту отраву, – наклонилась к ней Женька.

– Не стой над головой, – отодвинула ее рукой Глаша. – Ты нарушаешь мое жизненное пространство. Мне тяжело дышать.

– Тебе тяжело дышать от этой гадости, – Евгения раздраженно плюхнулась на стул. – Что? Вкусно тебе?

– Ага, очень, – блаженно закатила глаза Глафира, облизывая чайную ложку. – Хочешь? Заказать тебе?

– Господи! Жизнь тебя ничему не учит!

– Жизнь – нет, – лукаво усмехнулась Глаша. – А ты учишь и учишь...

– Что на тебе надето? – Евгения, уже заведенная, хмуро уставилась на подругу.

– Отстань, – отмахнулась Глаша. – Дай хоть один вечер спокойно посидеть, не думая о моде, красоте и стиле. Хватает того, что ты у меня стильная, а уж я буду такая, какая есть...

– Серой мышью? – подсказала Женька.

– Для кого-то и это символ красоты, – рассмеялась Глаша.

Евгения перевела взгляд и обнаружила за спиной подруги старое пальто грязно-синего цвета.

– Ты опять в этом пальто?

– Отстань, – закатила глаза Глаша.

– Я сто раз просила тебя не носить такой цвет!

– Ну, начинается! Вы с моей мамой стоворились, что ли? Та с самого утра все уши мне прожужжала, теперь ты...

– Вот мама у тебя человек со вкусом, – Евгения, угрюмо сдвинув брови, насупилась. – А ты? Ты же обещала его выбросить! Еще в прошлом месяце!

– Обещала, но рука не поднялась. Оно, хоть и старое, но теплое и удобное. Отстаньте все от меня, ради бога!

– Ну уж нет! Ты не можешь, значит, я его выброшу. Хватит, – Евгения вскочила, схватила пальто, и, не дав подруге опомниться, выбежала с ним из кафе.

Глаша, не успев даже ахнуть, не очень расстроилась, полагая, что это у Женьки такая воспитательная шутка.

– Вот дуреха, – она пожала плечами. – Не сидится ей на месте!

Не трата даром времени, Глаша заказала еще пирожное. Но когда прошло минут пятнадцать – двадцать, она забеспокоилась. Через полчаса стала волноваться. На улице стояла осень, без верхней одежды не доберешься до дома, а шутка Евгении затягивалась. И тут вдруг Глаша осознала, что Женькины угрозы могли и не быть шуткой. Оглядываясь на входную дверь, она достала телефон, но подруга трубку не поднимала. Приуныв, Глаша почувствовала, как в животе заныло от страха. А что если эта взбалмошная Женька и вправду выполнила обещание?

Прошло минут сорок, потом час... Растерявшись, Глаша не знала, что и думать. Сладкого уже не хотелось, пора было уходить. Но как? Отвернувшись к окну, она заплакала. Не от жалости к себе и не из-за пальто. А от вдруг нахлынувшего жуткого одиночества...

Вспомнилась расхожая фраза о том, что одиночество – это когда ты слышишь, как тикают часы. И грустно усмехнулась. Ерунда какая! Сейчас она не слышала, как тикают часы, но совершенно точно ощутила холодные объятия одиночества.

Одиночество... Оно разное. Одушевленное словом, скользящее во взгляде, воплощенное в действии. Затерянное, сиротливое, безродное. Холодное, мрачное, безвкусное. Бесцветное, черно-белое, глухое... Дарующее кому-то покой, кому-то разочарование, а кому-то отречение.

Одиночество – это уединение со знаком минус... И если оно затягивается, ты начинаешь ощущать странную безысходность.

Глаша, не зная, что предпринять, решила вызвать такси и ехать домой без пальто. Она только взяла трубку телефона, как в зал вбежала раскрасневшаяся Евгения. Увидев Глашу, облегченно вздохнула и, приблизившись к ней, протянула большой пакет.

– На. Это тебе вместо той синей тряпки.

– Могла бы не торопиться, – отмахнулась Глафира. – Я все равно уже собиралась домой ехать.

Евгения, чувствуя, что перегнула палку, виновато наклонилась к ней.

– Ну, прости. Но ведь и у меня не безграничное терпение!

– Как я устала от всего этого – огорченно отвернулась Глаша. – Я уже взрослая девочка и могу сама решать, что мне носить и что есть!

– Ну уж нет, – Женька опять закипела. – У тебя есть я, и мне не все равно, как ты выглядишь.

– Так ты стесняешься моей внешности?

– Да нет же! Вот дуреха! – Женька, обняла любимую подругу и чмокнула ее в щеку. – Просто хочу, чтобы ты стала еще краше! Ну, что? Мир? Глашка? Мир?

– Мир, – вздохнула Глафира.

– Ну, если мир, тогда вот твое новое пальто, – радостно хмыкнула Женька.

Они захохотали и отправились в гардероб примерять обновку.

Такие сцены повторялись довольно часто. Но, несмотря ни на что, и Глаша, и Женька прекрасно знали, что ближе и вернее у них нет никого на свете. И это осознание помогало им не только бороться с каждодневными трудностями, но и просто жить, когда для этого, кажется, уже не хватает сил.

Глава 5

Глашина личная жизнь, в отличие от Женькиной, не была столь яркой и бурливой, но потрясений хватало и в ней...

Спокойная и медлительная, Глаша всегда искала не развлечений и эмоций, а комфорта и уюта. Не достатка и благоустроенности, а гармонии и согласия. Ей было особенно трудно, потому что мужчины, как известно, любят глазами...

При первом знакомстве они воспринимают и оценивают женщин по внешним данным, а с этим, как считала Глафира, у нее не сложилось. Пухленькая и аппетитная, она не то что стеснялась своего тела. Как раз ей-то все нравилось и совершенно не стесняло, но она видела, как смотрят на нее другие. И этот осуждающий, а порой даже жалостливый, взгляд ее и раздражал и нервировал одинаково. Стоило ей появиться в публичном месте, присутствующие смотрели на нее или с изумлением или как на пустое место.

Глафира давно привыкла к такой реакции и, чтобы не возбуждать нездоровый интерес, старалась не ходить на светские тусовки. Бывали случаи, когда отсутствие не поощрялось или даже наказывалось, и тогда подготовка к мероприятию превращалась в настоящую пытку.

За несколько дней до предполагаемого визита или мероприятия Женька тащила подружку в магазины. Безжалостно пыталась ее бесконечными примерками. Женька выбирала костюмы, платья, брюки на свой вкус и старательно внушала подружке, что если где-то жмет, трет или давит – можно потерпеть. Главное, чтобы выбранный наряд сидел на фигуре красиво, смотрелся модно и, по возможности, скрывал выпуклости и складки тела.

– Отстань, липучка! Я это не надену, – активно сопротивлялась Глаша.

– Хватит выступать, – устало морщилась подружка. – Примеряй. И вот этот костюм еще, и это платье!

Глаша, чуть не плача, натягивала на себя очередной наряд и бессильно стонала...

– Мне не нравится, я в нем как змея.

– Ну, до змеи тебе, конечно, далеко, – усмехалась Женька, – но мне тоже не нравится, переодевайся.

Нацепив на себя очередную блузу или жакет, Глаша хмурилась:

– Ой, боже! Это не я! Мне это не идет.

– Главное, не капризничай, – тяжело вздыхала Евгения. – Доверься мне. Смотри, какая ты хорошенькая в этой блузке! И цвет твой, и подплечики к месту...

В результате, после многочасового истязания и невозможных мытарств, Глаша обреченно соглашалась на все:

– Если тебе нравится – бери!

– Ну, а тебе-то как? Нравится? Будешь носить? Или еще поищем?

Глафира судорожно вжимала голову в плечи, опасаясь продолжения магазинной экзекуции, и, взмахнув рукой, примирительно кивала, наступив на голову своим собственным чувствам и предпочтениям.

– Мне все равно. Если надо – значит, надо! Поедем домой, есть хочется.

– Тебе бы только есть, – раздраженно хмурилась Женька. – Вот что ты за человек? Я тут убиваюсь, чтобы подружка выглядела сногшибательно, а она только о еде думает! Кошмар какой-то!

– Из нас двоих сногшибательно выглядеть можешь только ты, и этого для меня достаточно, – миролюбиво отзывалась Глафира. – А я могу просто рядом постоять. Ты будешь бриллиантом, а я – твоим обрамлением. Классно я придумала? – Она хохотала, радуясь прекращению пытки, и весело обнимала брюзжащую подружку.

Но на этом испытания не заканчивались. В день мероприятия Евгения с самого утра приехала к Глаше домой, привозила целый чемоданчик с какими-то красками, тенями, карандашами, основами, кремами, подводками и пудрами. В этом заветном чемоданчике лежало столько всего, что у Глафиры дух захватывало.

– Господи, неужели всем этим можно пользоваться?

– Еще как, – Евгения старательно раскладывала все на столе. – Ну? Присаживайся.

– Может, не надо? – Глаша осторожно пыталась отвоевать право на самоопределение. – Посмотри, я и так хорошо выгляжу. Немножко румян, и просто диво как хороша, а?

– Садись без предисловий, – сурово кивала на стул подруга.

Часа через два Глафира подходила к зеркалу и не узнавала себя.

– Кто это?

Евгения довольно похохатывала.

– Классно? Видишь, какая ты очаровательная?

Глаша никакого очарования в своем новом отражении не замечала, но, понимая, что спорить бесполезно, безропотно соглашалась.

– Ладно. Так и быть. Пойду, как дурочка, лишь бы тебе нравилось.

В личной жизни Глафиры тоже сильно штормило, ей никак не удавалось обрести самое главное...

С детства приученная к мысли о том, что семья – главное сокровище современной жизни, Глафира неосознанно к этому и стремилась. Но тут начинались всевозможные заморочки.

Первый раз Глаша влюбилась в школе. В десятом классе к ним в класс пришел новый мальчик, в которого сразу втрескались все девчонки десятого «Б». Что в нем было эдакого, теперь никто и не скажет, но факт оставался фактом. Парнишка быстро сообразил, что стать любимцем большей половины класса – настоящий подарок. И сумел извлечь из этого выгоду по максимуму: одна одноклассница делала алгебру и геометрию, вторая рисовала контурные карты, третья переписывала конспект по истории... Глаше досталась, как сам парень говорил, самая почетная роль – она стала его оруженосцем. Но так как оружия у мальчишки не имелось, Глаша повсюду таскала его портфель. И делала это с таким упоением и счастьем, что лучшей доли для себя и не желала.

Все, конечно, испортила Евгения. Появившись в классе после долгой болезни, подруга с ужасом обнаружила, что Глашка носит портфель за здоровенным парнем.

Не понимая, в чем подвох, Женька на перемене кивнула подруге:

– Пойдем, поговорим.

Глаша, оглянувшись на парня, уже стоящего в дверях, отмахнулась:

– Некогда мне. Потом поговорим.

– Он пусть идет, а ты останешься, – насупившись, Женька встала у нее на дороге. – Надо поговорить.

– А это? – Глаша растерянно прижала портфель парня к груди.

– Отдай немедленно.

Глаша безропотно опустила голову и виновато глянула на мальчишку.

– Держи свой портфель. Извини.

– За что ты извиняешься? Этот лось на две головы выше тебя, а ты его сумку носишь! Спятила?

– Ну и что? Я его паж, – пожала плечами Глафира.

– Дура ты, а не паж, – Женька возмущенно постучала себе по лбу.

– Он мне нравится, – всхлипнула Глаша.

– Нравится – разонравится. Невелика потеря.

На этом первая любовь, так безжалостно растоптанная Евгенией, закончилась.

После школы Глафира поступила на филологический факультет. Впервые оставшись одна, без верной подруги, почему-то отдавшей предпочтение энергетическому институту, она даже поначалу растерялась. Но эта растерянность длилась дня три-четыре, не больше.

Зато потом Глафира внезапно ощутила такую свободу, от которой даже дух захватывало. Теперь девушка могла сама решать, когда есть, что и в каких количествах. Одевалась так, как считала нужным, ни под кого не подстраивалась и ни за кого не переживала.

Но уже месяца через два Глаша затосковала. Ей ужасно не хватало вечно брюзжащей подруги, не доставало ее советов и замечаний, ее заботы и энергии. Конечно, они встречались все это время, ходили в кино, в театр, но этого короткого общения Глафире оказалось недостаточно.

Она мучительно приспосабливалась к новой реальности. Долго перестраивалась. Потом, правда, привыкла, понимая, что подруга не может из-за нее бросить институт или переселиться к ней жить. Глафира примирилась с этой жестокой действительностью, но школьные годы, когда они с Женькой каждую минуту были рядом, всегда вспоминала с тоской и слезами.

Время шло. Глаша выросла. Но не менялась. Она все так же была доверчива, медлительна и наивна. И вот тут-то, на третьем курсе, ее настигла настоящая большая любовь. Глаше пришлось очень нелегко в ту пору...

Она влюбилась в доцента кафедры языкознания. Ему уже исполнилось сорок лет, он был женат и абсолютно погружен в законы и правила своего предмета. Студенток любил, но только в рамках дозволенного: мог пошутить, подмигнуть, на экзаменах не топил, на зачетах трудных вопросов не задавал, на субботниках даже помогал мыть окна и на равных со студентами обсуждал факультетские новости. Доцент умел внимательно слушать и значительно молчать.

Не зная, как его заинтересовать, Глаша записалась к нему на спецкурс, завалила вопросами по курсовой работе, забежала на кафедру на переменах, встречаясь в буфете, уступала свою очередь. Доцент ничего не замечал, был спокоен, корректен и деликатен.

Тогда Глафира придумала писать ему письма. Но ее филологическая натура не позволяла писать любимому то, что напишет любой, невзначай прикоснувшийся к ручке. Такого она себе позволить не могла. Нет! Она писала ему не письма, а настоящие послания! Не текст, а песни. Оду любви, прозу в стихах!

Устроившись вечером в кровати, Глаша раскрывала большую клетчатую тетрадь и, положив ее поудобнее на коленях, самозабвенно писала прозу, которую можно было положить на музыку, потому что в самих строках уже звучала такая поэзия, что душа возносилась от ликования.

Первое письмо далось нелегко...

«Я закрою глаза и наугад напишу твой портрет. Едва касаясь кистью листа, волнуясь и тревожась, вспомню твою улыбку. Неумело смешивая краски, краснея от смущения и неуверенности, дрожащей рукой набросаю брови, нос, глаза...»

Сосредоточившись, наморщив лоб и напрягая обманчивую, ускользающую память, перепробую все краски, пытаюсь добиться нужного оттенка... Трону кистью красный цвет, словно ягоды рябины в первый мороз, перемешаю с нежно-розовым, как ранняя утренняя заря, и добавлю малинового, словно сок зрелой ягоды. Это губы. Чувственные, нежные, страстные...

Ну, вот... И я стала художницей. Я закрою глаза и напишу наугад тебя снова. Я рисую любовь...»

Запечатав письмо в конверт, она украдкой подложила его в рюкзак доцента и, трепеща от ожидания, побежала на лекции.

Прошло дней пять. Реакции на эту песнь любви не последовало. Глаша, потеряв терпение, опять взялась за перо. Поздно ночью она, подложив под спину подушку, сочинила новое послание. Настоящую оду терпению, надежде и любви...

«Научусь вязать... И свяжу тебе свитер.

Найду черную нитку, толстую, плохо скрученную – это тоска. Глухая, густая, сумрачная... Решительно потянусь за серым клубком – это скука. Тягучая и противная. Возьмусь за зеленую нить, яркую, сочную, мягкую... Это надежда на счастье, на свидание и встречу. Аккуратно выберу из корзинки синий клубок, соединю с бирюзовым. И свяжу мечту. Нежную, светлую, чистую... Как твои глаза.

Улыбнусь. Неплохо получается. Осталось совсем немного...

Робко прикоснусь к красной нити... Вывяжу огненный узор в самой середине. Это радость. И Любовь.

Обязательно научусь вязать... И свяжу тебе свитер. Разноцветный, как наша жизнь...»

Закончив писать, Глаша долго сидела, слушая биение сердца. Сомневалась, страшилась, но все же решилась. Она долго носила послание в кармане кофты, выбирая удобный момент, но все не получалось. То на кафедре кто-то сидел, то ранец доцента оказывался закрытым, то он уехал на конференцию на неделю.

Истосковавшись за эти невероятно долгие семь дней, она совсем позабыла об осторожности. С утра вошла на кафедру и, улучив момент, сунула конверт в карман пиджака, висящего на стуле. Вылетела в коридор, облегченно вздохнув, но тут же с ужасом увидела, что ее любимый идет по коридору совсем в другом пиджаке. Сомнений быть не могло: она положила письмо в пиджак профессора, читающего курс по лингвистике.

Не в силах больше выносить тяготы неразделенной любви, Глафира позвонила Евгении. Та приехала сразу и с порога пустилась в нравоучения.

– Господи, Глашка! Ты ничего не могла получше придумать? Это же надо, влюбилась в доцента! Нормальному человеку такое и в голову-то не придет! Они же в нас людей не видят. Ты только подумай, сколько у него на курсе таких дурочек, как ты! А на факультете?

– Не могу я без него! Не могу, – Глаша, отчаянно рыдая, уткнулась в подушку.

Женька испуганно плюхнулась в кресло.

– Даже так? Ого, вот так номер! Что же делать?

– Я видеть его не могу, у меня сердце из груди выскакивает, – Глаша громко высморкалась.

Она так плакала, что Женька, на мгновение потерявшая самообладание, побежала за валерьянкой.

– Он такой удивительный, – глотая вонючую жидкость, откровенничала Глаша. – Потрясающий! Необычный...

– Стесняюсь спросить... В чем его необычность? – Женька вздохнула.

– Он так рассказывает, оторваться невозможно, – не уловив сарказма, захлебывалась слезами Глаша.

– Было бы странно, если бы доцент не умел говорить, – рассудительно кивнула Евгения.

– Я ему пишу, пишу, а он не отвечает, – вдруг призналась Глаша, хлопая мокрыми ресницами.

- Что? Что ты делаешь? – Евгения, до которой дошел смысл сказанного, замерла в ужасе.
- Я ему, как Татьяна Онегину, письма пишу, а он...
- Ты не как Татьяна, а как натуральная идиотка, – взорвалась Женька. – Пишешь письма человеку, который тебя учит! Господи! Ты что, ненормальная? Да как ты до этого додумалась? Разве так можно? Писать доценту – уму непостижимо!
- А что такое? Это же просто письма... Нет, не просто письма, – всхлипнула Глаша.
- Господи, не просто? А что? Что там такое?
- Гимн любви, проза в стихах...
- О, боже, этого только не хватало. Ты пишешь женатому человеку, да еще и не просто письма, а какие-то оды... Гимны! И еще спрашиваешь, в чем дело? Да тебя лечить надо!
- Я брошу институт, – Глаша закрыла лицо руками.
- Я тебе брошу! – Женька, свирепо вращая глазами, схватила подругу за руку и потащила в ванную. – Умывайся!
- Сморкаясь и кашляя, Глаша долго плескалась под струей холодной воды, а потом, испуганно ахнув, обернулась к подруге.
- Женька, что я тебе скажу...
- Еще что-то? Нет, я этого не переживу...
- Я последнее письмо положила по ошибке не в его карман, – призналась Глаша.
- А в чей? – побелела Женька.
- Профессора по лингвистике.
- Ой, ну все, – подруга схватилась за голову. – У тебя хоть хватило ума не подписывать свои письма?
- Хватило... – Глаша прошла по комнате и, открыв буфет, достала бутылку вина. – Давай напьемся. С горя...
- Я тебе напьюсь, – Женька вырвала бутылку у нее из рук. – Какое, интересно, у тебя горе? Не туда письмо положила?
- Да причем здесь это? – Глаша опять заплакала.
- Не реви, – подруга пошла на кухню, поставила чайник. – Сейчас крепкого чаю выпьешь, успокоишься, и будем думать, что делать дальше с твоим доцентом.
- Ночь надвигалась на огромный город. Она шла медленно, по-хозяйски, ступала тяжело и неспешно. Гасила окна в домах, напевала колыбельные детям, разгоняла запоздалых прохожих, зажигала звезды и сердито поглядывала в окно, за которым все сидели и сидели две подруги...
- А потом, усмехнувшись, отступила. Что поделаешь? Дело молодое! Не спится...

Глава 6

Глаша, получив от Женьки внушение, училась жить без любви, без доцента, без переживаний. Собирала в корзину памяти воспоминания о нем, его голосе, взгляде, интонации, улыбке. Крохи своей несбывшейся любви, лохмотья несостоявшейся страсти, нитки исхоженных дорог, мгновения случайной радости и килограммы разочарования.

Стояла у окна, бездумно бродила по парку, ходила в церковь, говорила с мамой, до обморока сидела в библиотеке, без конца готовила супы и борщи просто чтобы чем-то занять руки.

Забывала.

Изматывала себя повседневными заботами. Смиренно шептала бабушкины молитвы, искала истоки нелюбви, безутешно плакала над написанными письмами, страстно мечтала о свидании.

Забывала.

Обманывала себя, рвала по живому, глотала слезы, пила снотворное. Теряла смысл, упускала время, заходила в истерику...

Забывала...

Напрасно. Память жестока. А времени прошло мало. Хотя, говорят, и время не лечит.

Женька, поначалу не придавая значения этой увлеченности, вдруг осознала, что любовь эта – больше чем привязанность студентки к преподавателю, и больше, чем симпатия молодой девушки к взрослому мужчине. Поджав губы, она с сожалением глядела, как мучается подруга, и никак не могла решить, как ей помочь. Не придумав ничего лучшего, вызвала Веру Павловну, мать Глаши, в кафе, и все ей рассказала.

Вера Павловна испуганно побледнела.

– Неудобно спрашивать, но, надеюсь, она не совершила никаких глупостей?

– Если вы о сексе, то успокойтесь, – махнула рукой Женька. – Ничего между ними не было. Или просто не успели...

– Как же быть? Что делать? – Вера Павловна заволновалась.

Они пришли к выводу, что Глашу надо спасать, как-то отвлечь и, договорившись, придумали историю... Сказали Глаше, что Вере Павловне на работе дали две «горящих» путевки в Анапу, и, так как Вера Павловна оставить свой детский сад не может, девчонкам надо ее выручать.

Глаша, услышав об этом, ехать отказалась наотрез. Она даже представить не могла, что долгое время не увидит своего любимого, не сможет слышать его голос, ловить мимолетную, пусть и не ей адресованную, улыбку...

Но объединенные усилия матери и подруги дали нужный эффект. Девчонки, договорившись, сдали досрочно сессию, и с первого июня готовы были начать новую жизнь. В другом городе. В другом климате. С другим окружением.

Всю ночь накануне отъезда Глафира не спала. Тяжкие мысли кружили голову, будоражили душу, тревожили сердце. Она понимала, что, решившись на поездку, отдалялась от человека, за которого готова была умереть. Мысль о том, что не увидит его до начала следующего учебного года, не просто пугала, а приводила к такой панике, что Глаша едва сдерживалась, чтобы не отказаться от поездки в последнюю минуту. Поезд отходил после пяти вечера, так что все еще было возможно...

Она вспоминала детство, бабушку и маму, воспитывавших ее с бесконечными нежностью и любовью, школьные годы. Все так незаметно пронеслось, ушло, кануло в вечность.

Дни уходят, с нами остается только память.

И тогда девушка, так и не получив желаемого, нашла способ заставить мужчину все равно всегда помнить ее и думать о ней. Как и что он будет думать – уже не имело значения, ей уже просто было нечего терять, да и на размышления времени не оставалось...

На рассвете Глафира написала последнее письмо, которое решила отдать доценту лично в руки.

Они встретились в переходе между корпусами. Он спешил на спецкурс, а она – в деканат за зачеткой. Увидев его, Глаша замедлила шаг и опустила руку в карман, туда, где дожидалось своего часа прощальное послание.

Мужчина приветливо глянул на нее и, кивнув, пошел дальше, но она, умирая от страха и любви, остановилась.

– Извините, я хотела вам передать одну вещь...

– Мне? – он резко остановился. – Слушаю.

Глаша замялась. Он, очевидно, очень торопился, но ему хватило деликатности ее не подталкивать. Молча ждал, остановившись рядом, а потом, улыбнувшись, пожал плечами.

– Видите ли... Опаздываю на лекцию, простите.

И тогда она, словно нырнув в бездонный омут, достала из кармана письмо и протянула ему.

– Вот... Это вам.

– Мне? – Он взял конверт, недоуменно покрутил его. – Сейчас прочесть или потом?

– Потом. Вы же спешите.

Он на мгновение замер в замешательстве, а затем кивнул и быстро ушел, не прощаясь. Однако, зайдя за угол, почему-то остановился. Достал конверт, вытащил сложенный вдвое листок и прочитал, чувствуя, как кровь бросилась ему в лицо.

«Я скучаю по тебе. Неторопливо подойду к окну и, вздохнув, аккуратно выведу на запотевшем стекле первую букву твоего имени.

Посмотрю вдаль. Там, в густой туманной синеве, темнеет берег моря, шумят холодные тяжелые волны. Ледяной ветер, рвущий ставни, нетерпеливо стучит в дверь, словно запоздавший путник.

Возьму листок из обычной школьной тетрадки и старательно нарисую мою бесцветную тоску, а рядом напишу просто и незатейливо: „Приезжай. Я скучаю по тебе“».

Опешив, доцент застыл на месте, чувствуя, как сотни острых молоточков безжалостно застучали в висках. А потом повернулся и пошел обратно. Туда, где только что стояла эта странная студентка третьего курса с пронзительными темными глазами цвета вызревшей черешни и смешным рыжим хвостиком на затылке. Однако Глафиры там он уже не обнаружил.

Все должно быть вовремя. Всему свое время. Время зиме и весне, жаре и дождю, жатве и севу. Цветению и умиранию, богатству и обнищанию. Смерти и рождению.

Время уходит. Говорят, промедление смерти подобно. Но иногда заминка спасительна и полезна, удерживает от искушения и соблазна, от наваждения и минутной слабости.

Глаша уехала. А вернулась через три месяца совсем другой. Спокойной и умиротворенной. Оставив позади бурлящие эмоции, уверенно переступила осенью порог родной кафедры и, встретившись с растерянным взглядом покрасневшего доцента, легко и безмятежно улыбнулась ему.

Глафира не забыла свою сумасшедшую любовь, но страстность и пылкость, которые не давали ей дышать, уже отступили. Она смотрела на происходившее в прошлом учебном году как на что-то прекрасное, но очень-очень далекое. И от осознания вновь обретенной свободы ей теперь было хорошо и безмятежно.

Оставшиеся два года учебы Глаша прожила мирно и радостно. После института устроилась в библиотеку.

Работу свою Глаша любила самозабвенно. Да и как можно было не любить такое святое место. Библиотека – кладовая знаний, собрание мудрости и хранилище информации. Это житница и сокровищница, место силы и познания. Здесь, в тишине огромных залов, концентрируются внимание и увлечение, вдохновение и одержимость. Здесь встречаются ученики и учителя, богатые и бедные, строптивые и спокойные, познавшие и еще познающие. Библиотека сеет благоразумие, учит терпению и раздает знания.

Глаша получила именно то, о чем мечтала. Ей, обожавшей тишину и покой, трудно было подыскать что-то, более подходящее к ее характеру.

Ей нравилось все. Царствующие здесь порядок, выдержанность и размеренность радовали сердце, читатели удивляли своей любовью к книгам и чтению. Глаша с удовольствием общалась с людьми разных возрастов, но особенно любила поговорить со стариками. Ее умиляло то, как они старательно выбирали книгу, как придирчиво разглядывали обложку, как осторожно перелистывали страницы. Детей она учила работать с каталогом, объясняла правила поведения в читальном зале, демонстрировала медиа-файлы...

Она видела, что библиотека постепенно превращается в культурный центр, совмещающий мастер-классы, лекции, показы кино, фотовыставки и дискуссионные клубы.

Глафира обожала вечерние часы, когда заканчивалась дневная суматоха, затихали городские шумы, уходила основная масса посетителей и оставались только те, кто искренне любил шелест страниц и получал наслаждение просто от присутствия в этом удивительном месте.

С коллегами она особо не дружила, но поддерживала с ними ровные доброжелательные отношения. Со всеми, кроме одной очень пожилой дамы, Глаша держалась приветливо и дружелюбно. А вот Агнию Николаевну, самую старую и самую почитаемую работницу родной библиотеки, обожала!

Агния Николаевна давно стала человеком-легендой. Всю свою жизнь посвятив библиотекам, она эту, где работала Глафира, создала с нуля. Агния, как ее запросто называли за глаза коллеги, стояла у самых истоков и собирала библиотечный фонд по крохам.

Долгое время она служила заведующей библиотекой, но сейчас, в свои семьдесят три, называлась хранительницей и имела право свободного посещения. Но Агния этим правом не пользовалась, и являлась на работу с утра пораньше. Правда, до позднего вечера уже не задерживалась – годы берут свое, но всегда оставалась в курсе всех событий, сплетен, происшествий и новостей.

Агния являла собой удивительный сплав грациозности и жеманства. Не выходила из дома без макияжа и прически. Ее взбитые на затылке волосы, несмотря на полнейшую седину, выглядели безупречно, благодаря упорству хозяйки и золотым рукам стилиста. Ее пальцы всегда украшал маникюр, а уж без колец Агния даже в магазин за хлебом не выходила.

Одевалась Агния всегда одинаково: белая блузка с многослойным жабо, черная узкая юбка и очки в круглой металлической оправе. Этот минимализм, в наборе с прической и маникюром, делал ее образ притягательным и загадочным.

Глаша любила посидеть с Агнией в закуточке за крайними книжными стеллажами. Там, на крохотном столике, всегда стоял чайник, лежали в россыпь конфеты и стояла баночка варенья. Конфеты и варенье приносили библиотекари из дома, ставили все это на общий стол, и днем, как улучится минутка, заваривали чай, которым и угощались все желающие.

Глаша с Агнией усаживались с чашками чая за стеллажами, и Агния, лукаво прищурившись, обычно спрашивала: «Ну, голубушка? Что нового в свете?» Глаша радостно улыбалась, предчувствуя долгую интересную беседу.

Агния уже давно все знала о своей молодой подружке и переживала искренне, что та никак не устроит свою личную жизнь. Она видела: Глаше просто негде познакомиться, понимала, что время ее уходит.

Когда Глафире исполнилось двадцать восемь, Агния осторожно предложила:

– Глашенька, надо быть смелее. Ты напиши, например, объявление.

– Объявление? Какое объявление? – Глафира удивленно взмахнула ресницами. – О чем?

– Ни о чем, а о ком, – хитро подмигнула Агния. – Надо же спутника искать.

– Какого спутника? – покраснела девушка.

– Спутника жизни, – Агния прищурилась. – Тебе уже двадцать восемь, надо что-то делать. Вон твоя разудалая подруга уже и замужем побывала, и ребенка родила, а ты все тут прокисаешь. Смотри, Глашенька, так и скиснешь в одиночестве, как вчерашнее молоко. Шевелись, мужчины активных любят!

Глаша поначалу отмахнулась, посмеялась, а вечером все же рассказала Женьке о предложении Агнии.

Евгения отнеслась к идее без энтузиазма.

– Что твоя Агния совсем спятила, я давно догадалась. Возраст, что ни говори, дает о себе знать. Глупости! Ну, какое объявление? Брачное? Что ты напишешь – ищу мужа?

– Жень, а если попробовать? Почему сразу мужа? Напишу – ищу собеседника. Мне кажется, это звучит солидно и прилично. И не пошло, что очень важно.

– Кого? Собеседника? Ой, не смейся, – Женька откровенно веселилась. – Думаешь, вменяемые умные мужики объявления на стенах домов читают? То время давно прошло! А появится какой-нибудь забулдыга или пьянь подзаборная – не отвяжешься! Забудь!

Но Глафира, поддаваясь уговорам Агнии, внутренне уже была готова к авантюре. А если она решила, переубедить ее непросто.

Глаша почему-то вспомнила слова Ги де Мопассана: «Сильные люди, так или иначе, всегда добиваются своего».

Глафира, хоть и не считала себя очень сильной, все же решилась, и вечером написала объявление из двух слов: «Ищу собеседника».

На следующий день она долго ходила по району, расклеивая эти небольшие полоски бумаги на стены домов, деревья, подъезды и доски объявлений.

И эти два слова, в которых открыто звучали одиночество, жажда любви и ожидание счастья, изменили ее жизнь.

На время.

Не навсегда.

Но ведь навсегда ничего не бывает.

Ничего.

Все, кроме смерти, имеет свое начало и свой конец.

Даже любовь.

Глава 7

Тогда начинался октябрь. Переменчивый, легкомысленный, дождливый. Небо пряталось в лохмотьях черных туч, словно в рваной мешковине бабушкиного овина. Ледяной воздух по утрам пьянил хрустальной чистотой. Закаты, ставшие тяжелыми, все чаще закрывали горизонт плотной багровой завесой. Под ногами темнели когда-то золотые листья клена, осины и березы. Ветер, хлесткий и колючий, настырно лез в дома. Лянул к окнам.

Октябрь – экватор осени. Еще не зима, но уже не лето. Предзимье. Предвестник долгих метелей, сильных снегопадов и завывающих февральских вьюг. Октябрь холодит, поливает и удивляет. И хочется замереть у печки, закутаться в плед и долго-долго глядеть в окно, наслаждаясь этой мимолетной, уже уходящей в никуда красотой.

Глафира, написав и расклеив объявления, тут же стала себя корить и распекать на все лады. Уже сожалея о случившемся, она не знала, куда деваться. Стыд, растерянность, раскаяние, смущение и неловкость взяли в плен ее душу и грызли беспощадно целыми сутками.

Боясь маньяков, пьяниц и хулиганов, Глафира под объявлением, конечно, не указала ни своего домашнего адреса, ни номера телефона, зато, с легкой руки неутомимой Агнии, мелким шрифтом написала название и адрес библиотеки.

Агния, мудрствуя за шкафами в обеденный перерыв, рассудила так:

– Мало ли что дураку в голову взбредет? Или, что еще хуже, маньяк какой-нибудь польстится. А здесь нас много, мы любого в бараний рог свернем...

Глаша с сомнением оглядела худенькую фигурку своей возрастной подруги, понимая, что, в азартном стремлении найти ей половину, Агния напрочь забывала и о своем почтенном возрасте, и об имидже библиотеки.

Женщина явно переоценивала свои силы и возможности коллектива, но то, как она стремилась помочь Глафире, перевесило все опасения.

Первый день прошел без эксцессов. Никто не появлялся, не спрашивал Глафиру, не рвался с ней беседовать. Второй день тоже не принес сюрпризов.

Глаша, все эти дни ругающая себя последними словами, к вечеру второго дня вдруг подумала, что надо признаться Женьке в содеянном, а то, в случае чего, не к кому будет бежать за помощью.

Собравшись с духом, она позвонила Женьке по дороге домой.

– Жень, ты меня сейчас убьешь!

Евгения, прекрасно зная свою подругу, вечно попадающую в нелепые ситуации, сразу ринулась в бой...

– Так... Что ты опять натворила?

– Обещай, что не будешь ругаться, – Глаша виновато прикусила губы.

– Буду!

– Ну, ладно. Ругайся. Я все-таки написала объявление.

– Тьфу! Что ж ты за человек! – Женька мгновенно вышла из себя. – Я ж тебя добром просила! Мы ж договорились, что ты не будешь это делать!

– Не мы договорились, – прошептала расстроенная Глафира, – а ты решила...

– И что? – Евгения испуганно затихла. – Уже отбиваешься от желающих? Ломятся в дверь?

– Да нет же, – Глаша расслабилась. – Слава богу, никого нет.

– У тебя всегда так. Сначала сделаешь, а потом думаешь и каешься! Дуреха!

– Ладно, не сердись, – Глаша улыбнулась.

– Да ведь я за тебя переживаю, – нервно хмыкнула Женька. – Но ты, Глашка, не робей. Что сделано, то сделано. Если что, беги ко мне. Но, думаю, раз до сих пор никто не отозвался, значит, и на этот раз пронесло.

Но радовались они, как оказалось, рано. На четвертый день, ближе к вечеру, Глаше, работающей в читальном зале на третьем этаже, позвонили с охраны.

– Глафира Сергеевна, к вам посетитель, но без абонеента. Пропустить не можем. Спуститесь, пожалуйста, сюда.

Замерев от дурного предчувствия, Глаша поискала глазами Агнию, но, вспомнив, что та уже отправилась домой, вышла из-за стола и, кивнув напарнице, пошла из зала.

Спустившись по лестнице, девушка не сразу вышла в холл. Притаившись за углом, отдышалась и осторожно выглянула из своего укрытия.

В холле, рядом с охранником, стоял довольно высокий, немного сутулый мужчина. Несмотря на холодный октябрьский вечер, на нем было легкое серое пальто, на шее болтался длинный темно-синий шарф. Светлые, совершенно прямые, волосы небрежно падали на плечи. На лице мужчины, несмотря на кажущееся спокойствие, плескалась растерянность. Чтобы скрыть ее, он смотрел в пол, будто хотел отыскать там что-то недавно потерянное.

Внимательно рассмотрев незнакомца, Глаша опять отступила в свое укрытие и, прислонившись спиной к холодной стене, попыталась унять колотящееся сердце. Она почему-то надеялась, что мужчина, не дождавись ее, уйдет. Ей очень хотелось, чтобы он ушел.

– Господи, пусть он исчезнет, – почти беззвучно прошептала она. – Пусть уйдет. Пожалуйста, господи!

Прикусив от напряжения губы, она опять выглянула. Он стоял. Упорно ждал ее...

Выбора у Глафиры не оставалось, и она, глубоко вздохнув, вышла из-за угла. Ужасно смущаясь, подошла к мужчине и остановилась рядом, робко взглянула на него.

– Это вы меня спрашивали?

Охранник, обернувшись на ее голос, равнодушно кивнул на незнакомца в сером пальто.

– Да. Это он спрашивал.

Мужчина, увидев Глашу, поначалу замялся, неловко переступая с ноги на ногу, покраснел и отчего-то заторопился...

– Здравствуйте. Если вы Глафира, то я к вам. Я по объявлению.

Глафира, опасаясь реакции охранника, схватила незнакомца за рукав и резко потащила к окну.

– Вы с ума сошли? Вы бы еще охраннику рассказали про объявление! Вот он бы посмеялся!

– А что? Это секрет? – недоуменно встрепенулся мужчина.

Глафира внимательно посмотрела на него и с жалостью подумала: «Чокнутый!»

– А вы где объявление увидели? – поинтересовалась она.

– На подъезде. Это же вы писали?

– Я. Дура, да? – Глаша отчего-то застыдилась.

– Нет, что вы! Нет, нет, нет! Мне как раз собеседник нужен, – мужчина схватил ее за руку.

«Точно чокнутый!» – окончательно решила девушка и, осторожно высвободив свою руку, опасливо сделала шаг назад.

– Вы знаете, я передумала. Это была ошибка. Идите домой. Всего доброго.

Но мужчина, поначалу оторопев от этих слов, неожиданно шагнул к ней, и, торопливо глотая слова, зашептал:

– Нет, нет! Я теперь никуда не уйду, пока мы не пообщаемся. Это же такая редкость... Именно вы мне и нужны!

«Маньяк! Наверняка, маньяк!» – мелькнула в голове отчаянная мысль.

Глаша, умильно улыбаясь, чтобы не усугублять и без того неловкую ситуацию, постаралась все обернуть в шутку:

– Это была минутная слабость, понимаете? С каждым может случиться. Было и прошло. Извините. Мне надо работать. И вам пора идти.

Услышав эти слова, он беспомощно застыл, изменился в лице и что-то быстро-быстро зашептал. Глаша, уже собравшаяся уходить, прислушалась к странному бормотанию и замерла на месте.

– Не уходите, – торопливо шептал мужчина. – Не надо, я так надеялся... Если бы вы знали, как мне тяжело... Как страшно возвращаться домой, когда тебя ненавидят. Когда ты ничего не можешь сделать. И твой ребенок тебя не узнает! И все-все плохо!

Сердобольную Глашу словно током ударило. Она обернулась к странному человеку в сером пальто и вопросительно заглянула ему в глаза.

– Что вы там бормочете?

– Правду, – он пожал плечами и взмахнул длинными светлыми ресницами.

Девушка нахмурилась, только теперь осозная, что натворила. Сама заварила кашу, которую сейчас не знает, как расхлебывать.

– Как вас зовут? – помолчав, спросила она.

– А вы уже не уходите? – удивился мужчина.

Глаша усмехнулась, почувствовав в его вопросе радость.

– Пока нет. Я – Глафира. А вы?

Он выпрямился, расправил плечи, приосанился и озарился приветливой улыбкой.

– Глеб.

Отчего-то ей стало жаль этого растерянного, смущенного человека.

Было в нем что-то такое, что вызывало неожиданную симпатию, непонятное сочувствие и странное сострадание.

Решив его подбодрить, она, сама ужасно конфузясь, кивнула.

– Вот видите... У нас даже имена на одну букву начинаются. Наверное, мы не зря встретились.

– Конечно, не зря, – уверенно произнес он. – Ничего случайного на свете не бывает. Ничего! А вы не знали? – заметив ее удивление, искренно поразился он.

– Чего? Чего не знала? – Глафира растерялась.

Глеб, наморщив лоб, убежденно произнес, как совершенно очевидное:

– Ну, что вы, это же известная истина. Ничего в жизни просто так не происходит. Если люди встречаются, это кому-нибудь нужно.

– Ой, не смешите, – досадливо отмахнулась Глаша. – Кому это может быть нужно? Просто один человек совершил глупость, а второй эту глупость поддержал, вот и вся случайность.

– Все не так просто, – он задумчиво покачал головой. – Но сейчас убеждать вас бесполезно. Осознание всегда приходит позже, задним числом. Сначала все видится плоско и прямолинейно, а со временем появляются глубина и осмысленность, понимаются значимость и важность.

– Да вы философ, – девушка оглядела его с ног до головы. – А сразу и не скажешь.

– Я не философ, а художник, – Глеб развел руками. – А внешность обманчива.

Они стояли друг напротив друга в смятении, не понимая, что делать дальше. Как быть? Как вести себя? Что сказать?

Мужчина, сдвинув брови, внимательно рассматривал стоящую перед ним девушку. Потом, чувствуя плавающую неловкость, нарушил молчание.

– Вам ведь нужен был собеседник? Это так? И мне нужна собеседница. Давайте попробуем. Не бойтесь, я не сумасшедший. И уж точно не маньяк. Просто иногда в нашей жизни наступает момент, когда ты начинаешь захлебываться обыденностью, барахтаешься между

домом, семьей, работой, проблемами и чувствуешь, что тонешь. Тонешь, и все! И нет спасения. И даже нет желания спастись. Ты опускаешь руки и молча идешь ко дну. Вы понимаете, о чем я говорю?

Глаша молча кивнула, находясь в шоке оттого, что он совершенно точно озвучил ее переживания, мысли и чувства. И вдруг, испугавшись, что он уйдет, схватила мужчину за руку, напугав Глеба своей поспешностью и горячностью.

– Все так и есть! Точно так! Я поэтому и написала... – она проворно выхватила из кармана телефон. – Диктуйте ваш номер. Я позвоню.

День догорал. Октябрьский день короток. Он хмур и бесцветен. Земля, грязная и сырая, пахнет прелью и затхлостью. Подгнившие листья уже потеряли свой золотой оттенок. Октябрь – месяц обложных дождей, поэтому все насквозь пропитано влагой и промозглостью.

Лежа в тот вечер в кровати, Глаша долго смотрела в потолок. Вспоминала и вспоминала Глеба, его наивные глаза, его растерянность, его непонятное бормотание и слова о случайностях в жизни.

Глафира уже не верила в чудеса, но именно сегодня ей отчего-то захотелось, чтобы появление этого человека стало тем самым чудом, которое мы все неосознанно ждем всю жизнь...

Глава 8

Сейчас, вспоминая тот невероятный далекий октябрь, Глаша лишь грустно усмехалась, а тогда... Тогда все казалось возможным. Вероятным и достижимым.

Появившийся ниоткуда Глеб оказался удивительным собеседником. Фантастическим! Он умел слушать так, как никто в целом свете. Казалось, он даже не дышал, чтобы не перебить свою собеседницу, ничего не спрашивал, чтобы не отвлекать. А уж как рассказывал! Взхлеб, увлеченно, образно, с лихорадочной поспешностью и страстностью...

Глафира, в первые дни очень его стесняющаяся, сначала неловко похохотывала, смущенно отворачивалась, боясь его обидеть, не вникала в подробности. Но потом... Потом все переменилось. Они говорили и говорили... Обо всем. Обо всех. Без утайки и стеснения. Без напускной бравады и церемоний. Без ложной скромности и пафосной риторики.

Долго бродили по улицам. Замерзнув, забежали в кафе. Катались на каруселях в парке. Хохоча, лизали мороженое. Пили горячий чай, обжигаясь и проливая огненную жидкость на одежду.

Глеб поражал своей необычностью. Он оказался таким простым и сложным одновременно, что Глаша поначалу даже терялась. Он смотрел на жизнь так, как она просто не умела. Ей и в голову не приходило так принимать происходящее, так вникать в смысл сказанного, так анатомировать каждую знакомую личность.

Глеб, сосредоточенно хмурясь, говорил о переплетении в каждом человеке и плохого, и хорошего. О многообразии, духовной целостности и неприкосновенности личной свободы. Он, художник, видел мир иначе, чем Глаша. И если она привыкла просто радоваться каждому новому дню, то он пытался найти в каждом дне особый знак, старался рассмотреть в рассвете символы пробуждения, а в закате – приметы угасания. Все времена года были поводом для философских размышлений, неожиданная встреча – приметой, внезапный дождь – указанием.

Глаша искала в жизни покоя, а Глеб – ответы. Его мир, полный аллегорий, девизов, аллюзий и формул, поначалу так порастил Глафиру, так ошеломил, что она, порою, проснувшись ночью, долго лежала без сна, заново проживая их разговор и по крупницам переваривая, осмысляя услышанное...

Время многое меняет. Что-то предает забвению, что-то очищает, проясняет, иногда советует и подсказывает.

Глафира, пройдя период недоумения, знакомства и принятия, вдруг поняла и полюбила этого странного мужчину, его необычное мировоззрение, удивительную ментальность и непривычную исповедальность его откровений.

Глеб был открыт миру, как ребенок. Он не умел хитрить. Ничего не таил. Ничего не скрывал. Ничего не пытался приукрасить.

Родившийся в московской профессорской семье, Глеб с детства тянулся к рисованию, и любая поверхность казалась ему холстом. Он выводил только ему понятные зигзаги на запотевшем зеркале, на стекле машины, на замерзшей луже, на папином конспекте, на маминой белой простыне, на обоях... Ребенок рисовал на упаковках, на строительных щитах, на транспарантах и даже на противне.

Родители сердились, наказывали его, топали ногами, но потом знакомый психолог объяснил, что малыш так самовыражается и, если его так тянет рисовать, надо позволить ему погрузиться в это занятие и дать возможность попробовать свои силы в профессиональном заведении.

Родители послушались и отдали сына в лучшую художественную школу столицы. Причем в отборочном конкурсе, который надо было пройти для зачисления, он участия не принимал.

Члены комиссии, посмотрев папку с его домашними рисунками, единогласно проголосовали за талантливую мальчишку.

После школы Глеб поступил в Суриковский институт сначала на кафедру живописи и композиции, но потом, неожиданно для родителей, переложил документы на кафедру теории и истории искусств.

Ошарашенный его поступком отец развел руками:

– Причем здесь история искусств? Это ты и так бы знал. Разве для этого надо оставлять живопись? У тебя же талантище!

– Папа, ты не понимаешь, – твердо стоял на своем Глеб. – Чтобы писать картины, недостаточно искусно владеть кистью или карандашом, мало иметь поставленную руку или острый глаз. Надо понимать истоки, знать досконально принципы каждого художника, видеть отличия в их манере, уметь анализировать и классифицировать художественные направления, соизмерять и осмысливать их значимость. Понимаешь? Всему этому меня и научат на кафедре теории и истории искусств.

– Значит, ты больше не будешь писать картины? – недоумевала мама.

– Не знаю, еще не решил...

Не зря говорят, что талантливый человек талантлив во всем... Глеб учился отлично, поражал преподавателей эрудицией, упорством, выдержкой и интенсивностью напряженного труда. Часами сидел над одной картиной, рассматривая ее, кропотливо разбираясь в особенностях художественной манеры определенного художника. В музеях служители уже узнавали его и не удивлялись, что он мог подолгу стоять перед каким-нибудь полотном, разглядывая его и что-то записывая в своей записной книжке.

Ему прочили великое будущее, но никогда ничего нельзя знать заранее. Жизнь ничего авансом не выдает и наперед не раскрывает своих карт.

И случилось совсем другое. После института Глеб поступил в аспирантуру, стал писать кандидатскую. Уехал на стажировку за границу, но, прожив там полтора года, вернулся. И тут бы ему работать да работать в свое удовольствие, но он, в свои двадцать шесть, так влюбился, что голову напрочь снесло.

Хоть говорят, что всякая любовь – благо, однако, Глебу внезапное чувство принесло больше боли и страданий, чем радости. Во-первых, молодой человек полюбил женщину на пять лет старше себя, и, во-вторых, работающую обычной лаборанткой на кафедре.

Родители, узнав об этом, пришли в ужас. Случившийся мезальянс поначалу привел их в ступор, а затем в негодование. Профессорская семья долго не могла прийти в себя: маму чуть удар не хватил, она то плакала, то лежала, тихо постанывая. Папа, с горя хлебнувший коньяка, с сыном вообще не разговаривал, не мог совладать с горечью и обидой.

Однако Глеб у родителей разрешения на брак не спрашивал. Он, влюбившийся впервые, слишком торопился создать собственную семью. Без оглядки на мнение старших, без страхов и опасений, боролся за обретенное счастье.

Молодые поженились через два месяца, а еще через шесть с половиной месяцев у них родилась девочка. И тут нечаянное счастье, прощально махнув рукой, скоростно покинуло их дом...

Дочь, появившаяся ранним летним утром, оказалась больной. Список удручающих диагнозов венчал самый страшный – детский церебральный паралич. И это в один момент сломало цветущую женщину, ставшую женой Глеба всего восемь месяцев назад.

Женщина честно старалась не потерять в постоянной борьбе за здоровье дочери свою любовь, упорно крепилась, но не выдержала. Бессонные ночи, врачи, больницы, консилиумы, массажи, процедуры – все это изматывало, высасывало силы и жизненные соки, отнимало энергию, лишало сна.

Глеб не мог работать просто потому, что не хватало времени. А если он не работал, не было денег на врачей, лекарства, оплату няни, питание. Родители, не одобряющие выбор сына, поначалу не реагировали на печальные события, но потом их родительское сердце не выдержало, и они включились в эту вечную круговерть проблем, связанных с появлением больного ребенка.

Три года постоянной борьбы сделали свое дело...

Девочка не сидела, не говорила, не ходила. Жена замкнулась, ожесточилась, перестала за собой следить, плакала, требовала от Глеба помощи, денег, жалости и сочувствия. Ей отчего-то казалось, что муж ее больше не любит, избегает близости и тяготится семьей.

Все рушилось. Они почти не разговаривали.

Глебу хотелось, чтобы жена подошла, обняла, приласкала, послушала. Но ей, выжатой как лимон, было совсем не до него. Она занималась дочерью, валилась с ног от усталости и отчаяния. Дочь, которой уже исполнилось три с половиной, сильно отставала в развитии, отца почти не узнавала, льнула к матери и часто болела.

Раздражение, холодное молчание и отчуждение поселились в их доме.

В тот день, когда Глеб увидел объявление Глаши, ему едва исполнилось тридцать. И он, абсолютно измученный, недолго думая, сорвал крошечный лист, обещающий собеседника.

Глаша, узнав его историю, долго плакала. Сердобольная и милосердная по характеру, она сначала хотела искать врача для дочери Глеба, потом – помогать его жене, затем – найти ему психотерапевта. Ее сердце рвалось на помощь неизвестной женщине, маленькой больной девочке...

– Нет, не надо, – покачал головой Глеб. – Ты просто со мной поговори. Послушай меня. Помолчи со мной вместе. Подержи меня за руку. Больше ничего не нужно.

Целый год они, встречаясь, разговаривали. Обо всем, но чаще всего о нем, его семье, их проблемах. Глаша, держа его за руку, слушала и слушала мужчину, который все никак не мог выговориться. Накопилось так много несказанного, произнесенного, что теперь, обретя собеседницу, он словно глотнул кислорода, без которого уже начал задыхаться.

Они чувствовали удивительное родство, но ничего лишнего и недозволенного между ними не происходило. Глаша видела, что мужчина тянется к ней, делится новостями, мечтами, планами и все больше привязывается. Она и сама уже скучала без него, но не спешила откровенничать об этом. Первое время никто, кроме Агнии, не знал о Глебе.

Но однажды Глаша, привыкшая всем делиться с подругой, все же не стерпела...

– Женек, у меня новость. Ты только не нервничай.

После такого предисловия подруга всегда и начинала нервничать, но сегодня, не чувствуя опасности, лишь удивленно приподняла брови.

– А что? Есть повод?

Глаша пожала плечами и туманно улыбнулась, отчего прозорливая подруга сразу напряглась.

– А вот я и смотрю, что нас долго почему-то не штормит. И так подозрительно мне было это спокойствие. Целых две недели! Ну? Во что опять вляпалась?

Глафира уже пожалела, что начала разговор, но отступить оказалось поздно. Она, покраснев от волнения, рассказала Женьке о Глебе.

– Мы же с тобой обсудили это объявление, – обреченно покачала головой подруга. – Что, все-таки появился желающий?

Глаша потупилась и упрямо молчала. Это еще больше раззадорило Женьку.

– Значит, появился, – вздохнула Евгения. – Ну? Он женат?

– Угу...

Подруга схватилась за голову.

– Значит, с женатым любовь крутишь?

– Да какую любовь? – завопила оскорбленная в лучших чувствах Глафира. – Что ты выдумала?

– А как это теперь называется? Собеседованием? И что? О чем вы две недели беседуете? Ты с ним спишь?

– Нет, конечно, – Глаша обиженно всхлипнула. – Мы просто разговариваем.

– Поверь, это вопрос времени, – недоверчиво поджала губы Женька. – Какой бы ты ни была собеседницей, у дружбы с мужчиной один конец – постель!

– Глупости, – отчаянно сопротивлялась Глафира. – Чушь!

– Да ты что? – прищурилась раздраженная подруга. – Все очень просто, милая! Мужик от домашних проблем сбежал, а ты от своего одиночества ему компанию составила. Тебе мужик нужен, а ему – баба, вот и все ваши разговоры.

– Тьфу, какая ты циничная, – поморщилась Глаша.

– Не я циничная, а жизнь такая! – Женька сердито отвернулась от подруги, но, не выдержав, нервно выдохнула. – Попадись мне сейчас Агния твоя, задушила бы собственными руками! Толкает тебя черт знает куда и втихомолку радуется, старая мымра!

Женька, выйдя из берегов спокойствия, еще долго бушевала и пузырилась гневом. Но дня через два вдруг приехала вечером к Глаше.

– Ладно, что сделано, то сделано, – она обняла Глафиру, прижала ее к себе. – Я ж за тебя, дуреху, переживаю. Страшно мне, вдруг его жена мстить тебе возьмется, кислоту, например, в лицо плеснет. У этих психов всякое бывает. Ладно, рассказывай по порядку...

Привыкшая держать руку на пульсе, Евгения время от времени возвращалась к обсуждению странной дружбы между Глебом и Глафирой, но, не заметив признаков сексуального влечения, успокоилась и расслабилась.

Но, как оказалось, этот самый год, полный открытия и познания, обманул-таки доверие Евгении, и самые дурные ее предчувствия все-таки сбылись.

За эти двенадцать месяцев Глеб так освоился, что уже ничуть не стеснялся и чувствовал себя совершенно спокойно даже в квартире Глаши.

Как-то вечером, зайдя к ней на чай, Глеб засиделся допоздна. Вера Павловна, поужинав с ними, уехала за город к заболевшей подруге, а они вдвоем переместились в гостиную, где почему-то долго говорили об Ахматовой, о ее вечном одиночестве, вспоминали любовь к Гумилеву.

Потом их разговор незаметно переключился на художников, в связи с Ахматовой коснулись удивительного Амадео Модильяни, потом вернулись к известным портретам Николая Тырса, позже стали по очереди читать потрясающие стихи раннего Гумилева.

На душе стало спокойно и тихо. Глеб, поймав настроение, начал вспоминать детство, долго и интересно говорил о молодых родителях, потом вызвался помогать Глафире мыть посуду, разбил чашку, извинялся, шутил, смеялся над своей неловкостью...

Он словно искал повод еще задержаться. Предложил посмотреть новый фильм. Они сели на диван, но телевизор включить не успели. Вдруг Глеб, резко обернувшись к Глаше, стал целовать ее плечи, шею, руки... Обомлевшая от неожиданности, Глаша растерянно молчала. Не отталкивала мужчину, но и не обнимала. Не сопротивлялась, но и не прижималась.

Чувствуя его призывные горячие ласки, сначала будто обмерла, но через мгновение стала таять и плавиться в его требовательных горячих руках. Глаша запрокинула голову и, чуть постанывая от его властной чувственности, забирающей ее в свои сети, прижалась к нему, подалась вперед и стала лихорадочно расстегивать его рубашку...

Их губы, влажные и чувственные, слились в бешеном порыве, и она, уже теряя над собой контроль, откинулась на подушку и погрузилась в горячую истому его яростной безудержной страсти...

Очнулись они уже под утро. Светало. За окном еще стояла та тишина, которая бывает в городе только перед рассветом. Как только сумерки отступают, и первые лучи солнца ласково поцелуют горизонт, тотчас просыпается городской транспорт, начинают оживать улицы и переулочки, появляются дворники и исчезает удивительная предрассветная тишина.

Глеб, спустив ноги на пол, сладко потянулся.

– Как жаль, что ночь закончилась, – он ласково глянул на раскрасневшуюся Глашу, сладострастно подмигнул. – Я бы хотел продолжения...

Глафира, позабыв обо всем на свете, смущенно кивнула.

– Оставайся. Мама уехала. Мы одни.

Но он, грустно вздохнув, заторопился.

– У меня десять неотвеченных вызовов от жены. И чего ей не спится. Надо идти...

Проводив его, Глаша, не думая о времени, схватила трубку телефона. Женька долго не отвечала, но когда, наконец, соизволила проснуться, Глаша, не здороваясь, тихо прошептала:

– Женька, вот и все...

Подруга спросонья сердито заворчала:

– Ты на время смотрела? Пять пятнадцать. С ума сошла?

– Женек, я так счастлива, – Глаша торопилась, будто боялась растерять живущее в ней ощущение счастья.

Подруга, погруженная в объятия Морфея, недовольно пробубнила:

– А твое счастье не могло подождать часов до девяти утра? Что такое?

Глаша, чувствуя, что Женька не понимает ее, громко крикнула:

– Да проснись же ты!

Евгения, тут же пришедшая в себя, лихорадочно вскинулась.

– Не ори! Людей разбудишь! Чего тебе?

– Чтоб ты меня услышала!

– Ну, слушаю. Что?

Глаша, устав шептать, произнесла громко, по слогам:

– Я его люб-лю. Люб-лю! Слышишь?

– Ты переспала с ним? – окончательно проснулась Женька.

– Да. И ни о чем не жалею, – Глаша блаженно закатила глаза.

– Ну, все. Теперь точно все. Считай, ваш роман закончен, – горестно выдохнула мудрая Евгения.

– Почему это? – недоверчиво прошептала Глаша.

– Потому что все, что ему было нужно, он получил сполна. – Все, чего хотел: собеседование, приют, ласку и секс. Крепись, это правда жизни!

Глеб приходил еще несколько раз. Оставался до утра у Глаши. Страстно целовал, погружаясь в пучину страсти. Шептал на ухо что-то горячее и неразборчивое. Забывался на ее груди и нежно перебирал рыжие волосы. Уже не разговаривал, не просил понимания, не читал стихи, не шутил. А потом исчез. Просто перестал отвечать на телефонные звонки.

Глаша, порывав у Женьки на плече, решительно отправилась к его дому, чтобы узнать причину столь поспешного бегства. Целый вечер простояла недалеко от подъезда, карауля Глеба. На следующий день, оскорбленная в лучших чувствах, Глаша вернулась на свою позицию.

На третий день Женька, сильно переживающая за нее, отправилась вместе с подругой. Они остановились под раскидистым кленом напротив дома Глеба. Смотрели на подъезд, переминаясь с ноги на ногу, разглядывали жителей дома. Простояв еще часа два, замерзшая Женька исподлобья глянула на Глашу.

– Ты можешь объяснить, чего мы ждем? Вот скажи мне спокойно, для чего мы здесь.

– Не знаю, – Глафира даже побледнела. – Хочу его видеть. Он не мог меня так долго обманывать. Целый год! Он хороший человек.

– Конечно, хороший. Никто не спорит. Но и хорошему человеку надо иногда менять обстановку, отдыхать, отвлекаться. Он просто устал от тягот семейной жизни и искал отдушину. Ты помогла ему, дала возможность выговориться, передохнуть, глотнуть кислорода, воспрянуть духом, переосмыслить происходящее. И он, набравшись сил, ушел жить дальше. Вернулся в свою трудную жизнь с новыми силами. Отпусти его, Глаша, у него полно проблем: дочь больная, у жены нервный срыв... Это трудный шаг, но самый верный в нынешней ситуации. На чужом несчастье счастья не построишь.

Глаша тихо заплакала. Мудрая Женька подала ей платок.

– Держи. Вытри слезы. Все нормально. Все идет своим чередом. Мы ошибаемся, потом собираемся с силами и двигаемся дальше. Ты потом поймешь, что иного выхода нет. Пойдем домой, Глашенька, я устала тут дежурить. Пойдем, посидим в тепле, чаю заварим, пирожных тебе, так и быть, купим...

Тогда Глаше было двадцать девять с половиной. А теперь ей тридцать пять. И у нее никого нет, кроме мамы, Женьки и собаки Федора.

Глава 9

Второе декабря удивило горожан, привыкших к пасмурной, серой декабрьской погоде. Яркое солнце, оживившее давно утратившее свою высоту небо, слепило глаза, легкий морозец пощипывал щеки, ледяной воздух охлаждал легкие. Первый крепкий мороз сковал землю, накрыл лужи тонким льдом, который под ногами сразу расходился мелкими трещинами.

Небосвод, вдруг окрасившийся в позабытый ярко-голубой, радовал высотой и невероятной чистотой. Снег, шедший всю ночь, лежал праздничным белым покрывалом. Погода точно соответствовала пушкинскому «мороз и солнце – день чудесный...», и горожане, уставшие от мрачного сырого ноября, радостно улыбались, глядя на предновогоднюю красоту.

Павел очень торопился. Сегодня с самого утра он занимался неотложными домашними делами, которых накопилось великое множество, о чем ему вчера напомнил отец.

Павел знал, что отец слов на ветер не бросает. Волевой, довольно молчаливый и своенравный, он, по сути, добрый человек, приходил в бешенство от разгильдяйства и безалаберности. Прожив сложную жизнь, искореженную вдоль и поперек, исчерченную черно-белыми линиями судьбы, намотав тысячи километров дорог, досыта хлебнув горечи и боли, отец, Семен Николаевич Громов, требовал порядка во всем. В личной жизни, в делах, в бизнесе и в любви...

Павел, вспомнив об отце, усмехнулся. Суров, конечно, родитель, но другого и не нужно. Кто так, как он, может отругать, не подбирая слов и выражений, а потом пожалеть и не спать ночами?

Матери у Павла не было. Единственная выгоревшая фотография в старом семейном альбоме – все, что от нее осталось. Павел ее не помнил, а отец вспоминать о ней не хотел. И уж если приходилось, то говорил скупой, немногословно, с трудом подбирая слова. Будто воспоминания не только не доставляли ему удовольствия, а вызывали душевную боль.

Павел, видя, что отец, говоря о маме, темнеет лицом и сразу закрывается, старался эти разговоры не провоцировать. Придерживался принципа: не хочет – и не надо.

Так они и жили до некоторых пор. А потом Бог послал им отраду – мальчишку Матвея. Сын Павла стал для них обоим настоящим подарком, новогодним чудом, потому что как раз под новый год Павел и принес сына домой.

Пять лет пролетели как один день. И вот уже по их дому ходит взрослый пятилетний мужчина. Человек со своими суждениями, со своим характером, пристрастиями, интересами и вкусом.

Павел сыном гордился. Матвей рос некапризным, нежадным, неизбалованным, но чрезмерно любознательным и очень подвижным. Доставалось в доме всем: и домработнице Тосе, и поварихе Нине, но больше всего перепадало няням. Наверное, поэтому ни одна из них не задерживалась в семье надолго. За пять лет жизни Матвея сменилось уже семь женщин, претендующих на должность няни.

Получая в очередной раз ультиматум и заявление об уходе, Павел неподдельно изумлялся:

– Да чем же он вам не угодил?

Женщины пожимали плечами, молчали или вываливали ворох протестов и изливали море негодования. Кому-то не нравилось, что мальчишка не по возрасту смел, умеет постоять за себя, отвечает взрослым без стеснения, других напрягала его самостоятельность, третьих мучила его несговорчивость...

Дед, Семен Николаевич, человек суровый и прямолинейный, сердился.

– Чего ж они хотят? Он – пятилетний ребенок, а они – дипломированные специалисты! Уж можно было справиться с малышом! Ничего. Пусть проваливают. На нет и суда нет. Разберемся.

Но Павел, постоянно отлучающийся то в командировку, то на спецзадание, за сына переживал. И вчера вечером, беседуя с отцом, дал ему слово, что обязательно найдет новую няню до нового года.

И вот сегодня, когда выдался свободный день, Павел с утра кинулся выполнять то, что отложить на завтра уже не получалось. Съездив в поликлинику за выпиской для отца, в аптеку за лекарствами для Тоси, в управляющую компанию за счетами, он, наконец, направился за подарками.

Так уж повелось в их семье издавна, что подарки к новому году они покупали сильно заранее, не надеясь на последние дни, когда и к прилавкам не протолкнуться из-за спохватившейся толпы, и на работе начнется аврал, случающийся, как обычно, под конец года.

Павел любил делать все обстоятельно, вдумчиво и тщательно, спешка и суматоха его раздражали. Поэтому, покупая заранее новогодние подарки, он избавлял себя и от обезумевшей толпы, рвущейся к прилавкам в диком желании всех опередить и все скупить, и от случайных спонтанных покупок.

Сейчас же, неторопливо посетив все отделы, Павел выбрал самое, на его мужской взгляд, необходимое и приятное, накупил кучу мелочей, захватив, на всякий случай, даже то, чего заранее не планировал. Помня обо всех обитателях их большого дома, он все же больше всего времени провел в отделе игрушек.

Это и понятно. Мужчины – те же дети, только подросшие и возмужавшие. Мужчины любят те же игрушки и забавы, что и маленькие мальчики.

Павел с нескрываемым интересом рассматривал большие яркие машины с пультом управления, гоночный трек, огромную железную дорогу... Он так увлекся новым спортивным комплексом, что чуть не купил его, забыв, что в комнате у Матвея уже есть очень похожий. Потом долго вертел в руках ролики, водяной пистолет и дартс, а у полки с роботами замер, ахнув от многообразия. И если бы не умудренная опытом продавщица, с понимающей улыбкой вернувшая его в день нынешний, неизвестно, когда бы он сам очнулся.

Наконец, нагруженный коробками, пакетами и свертками, довольный Павел вышел из известного торгового центра в самом сердце столицы. Шел он вроде бы осторожно, ноги переставлял с опаской, помня о внезапно сковавшем землю морозе, но ведь все нельзя просчитать заранее... Как ни старайся, все случится именно так, как и должно случиться...

Не успел Павел выйти из магазина, как откуда-то сбоку вылетел мальчонка лет шести. Дурачась и хохоча, он не заметил прохожего и врезался в него со всей силы. Столкнувшись с Павлом, мальчишка отскочил от него, как мячик, и понесся дальше, петляя между покупателями и прогуливающимися парами. А вот Павел зашатался, закачался и стал терять равновесие. От неожиданности он взмахнул руками, и, выронив разлетевшиеся в разные стороны подарки, как подкошенный, рухнул на промерзшую землю. Падая, он сумел, правда, сгруппироваться, и, слава богу, не ударился головой, зато неловко упал на спину, подвернув правую ногу.

Вокруг него сразу возникла неловкая пауза, а потом окружающие разом засуетились, задвигались, заволновались. Кто-то кинулся собирать коробки, пакеты и свертки, а кто-то начал поднимать мужчину, отряхивать его пальто...

Придя в себя, Павел, смущенный неловкой ситуацией и всеобщим вниманием, встал, и, выпрямившись, ощутил, что на правую ногу опереться совсем не может. Сильно болело где-то в суставе. Или не в суставе... Но болело так, что и стоять было сложно, не то что шагать. Он оглянулся в растерянности.

Люди, убедившись, что человек жив и вполне здоров, стали поспешно расходиться по своим делам, и только молодая женщина продолжала стоять неподалеку, держа в охапке его покупки. Подобрав последний сверток, отлетевший довольно далеко, она подошла ближе и улыбнулась.

– Ну, что? Живы?

– Скорее жив, чем мертв, – сконфуженно пожал плечами Павел. – Неудобно... Такой здоровенный дядя, и рухнул у всех на виду!

– Ничего страшного, с кем не бывает! Главное, не сломали ничего? Упали вы сильно. – Она оглянулась вокруг. – Вроде бы мы все собрали, донесете?

Павел, обескураженный случившимся, виновато вздохнул.

– Не знаю. Боюсь, придется вас попросить о помощи.

– Да? – она обеспокоенно глянула на него. – Все-таки ударились?

– Нет, – он усмехнулся, – все цело. А вот ногу, видно, подвернул... Наступить не могу. А машина вон там, на парковке стоит. Простите... Мне очень неловко, но... – он замялся.

– Меня зовут Глафира Сергеевна, – все сразу поняла незнакомка. – Не стесняйтесь. Что надо делать?

Он прикусил губы, помолчал, подбирая слова, а потом решил:

– Глафира Сергеевна, если можно, помогите донести мои покупки до машины. Стыдно просить, но, похоже, мне придется скакать за вами на одной ноге.

Женщина, поправив рыжие волосы, выбившиеся из-под шапки, озабоченно вздохнула.

– Мне кажется, вам лучше к врачу сначала. Может, «скорую»?

– Нет, что вы. Просто помогите добраться, а там я уж как-нибудь...

Она взяла пакеты, свертки и коробки в обе руки и, оглянувшись на мужчину, кивнула.

– Ну, давайте попробуем. Идите за мной. Сможете?

Павел, прикусив губы, шагнул, охнул от боли... Но, стараясь не упасть, мгновенно поймал тот наклон туловища, когда, опираясь на пятку, все же мог осторожно переставлять ногу.

Глафира, услышав его вскрик, недовольно прищурилась.

– А как же вы машину поведете? Ведь правая нога как раз нужна для управления.

Павел, медленно ковыляя за ней, задумчиво пожал плечами.

– Этого я не знаю. Но, наверное, что-то придумаю. Как-нибудь доеду.

Какое-то время они двигали молча. До парковки оставалось немного, но и это расстояние показалось Павлу огромным. Шли с остановками. Шли – это смело сказано. Еле тащились, потому что Павел быстрее, как ни старался, идти не мог. Нога болела, и скрыть это уже не удавалось.

– Фу! Даже жарко стало, – раскрасневшись, он расстегнул пальто.

– Жарко оттого, что больно и неудобно, – нахмурилась Глаша. – Давайте позвоним кому-нибудь из знакомых, пусть за вами приедут.

Павел прикинул, кому он мог бы перезвонить сейчас. Вариантов оказалось немного: отец машину не водил, его помощница была в отъезде, водитель отца Дмитрий именно сегодня делал плановый техосмотр машины. Были, конечно, еще и друзья с машинами, и подруги, и коллеги, но Павлу не хотелось отрываться от работы и появляться перед ними в таком незаглядном положении.

– Похоже, позвать на помощь некого, – растерянно признался Павел. – Вы вот что... Положите, пожалуйста, все коробки и свертки в багажник и езжайте по своим делам. А я уж как-нибудь спокойно порешаю свои дела.

– Не подходит такой вариант. Это вы плохо придумали. Вы так можете и до вечера тут сидеть, и ночь прихватить. И еще мне кажется, что сначала вам надо хотя бы в травмпункт. Такими вещами шутить нельзя. Вас как зовут?

– Павел. Просто Павел.

– Тогда уж и меня просто Глафирой зовите, а то неудобно: как старую бабку, по отчеству называете. Знаете что, Павел? Может, я вас отвезу? Мне кажется, это проще всего. Правда, повезу на вашей машине.

– А вы умеете водить машину? – Павел обрадованно вскинулся.

– Умею, – усмехнулась Глаша. – Жизнь заставила. Пошла учиться в автошколу лет десять назад. Сначала сама мечтала о машине, но денег не смогла столько накопить. Но умения мои не пропали даром. У подруги машина крутая, иногда приходится ей помогать: то товар отвезти, то подвыпившую клиентку доставить до дома, да саму подругу забрать откуда-нибудь.

– Ваша подруга большой чиновник?

– Нет, – захохотала Глаша. – Она – владелица престижного салона красоты. А там клиенты всякие бывают. А иногда мы с ней просто уезжаем куда-нибудь отдыхать и управляем машиной по очереди.

– Понятно, – вздохнул Павел. – Не хотелось бы вас отвлекать от ваших дел, но, по-моему, мне действительно без вас не обойтись. Так что, если можно, довезите меня до дома. Я обязательно заплачу.

– А вот это лишнее, – нахмурилась Глаша. – Я не из-за денег вам помогаю. Просто по-человечески...

– Простите, я не хотел вас обидеть, – смутился Павел. – Брякнул, не подумав. Извините. А ведь это очень далеко. За городом. Как же вы обратно?

– Ну, что поделаешь? Не бросать же вас посреди города! Возьму такси.

– Ну, уж нет, – решительно усмехнулся Павел. – Я сам вам такси закажу. И оплачу, конечно. Это не обсуждается. Должен же я хоть как-то выразить свою благодарность.

– Ну, хорошо. Я согласна, – миролюбиво улыбнулась Глафира.

Наконец, не без труда погрузившись в машину, они двинулись. Павел, притихнув на пассажирском сидении рядом с водительским креслом, удивленно уставился на Глафиру.

– Надо же, как вы лихо справляетесь с машиной! Неожиданно...

– Хотите сказать, моя полнота должна мешать этому сложному процессу?

– Ну, что вы, как можно! Я не это имел в виду! Просто обычно женщины, садясь в чужую машину, испытывают дискомфорт. Теряются, не сразу осваиваются.

А вы словно родились в этой машине, сразу завели и поехали. Удивительно! Ну, а полноту вашу, простите мою смелость, я даже и не заметил...

Глаша понимающе усмехнулась, глядя на дорогу.

– Деликатничаете? Что ж, спасибо. Мне приятно. А насчет управления машиной, вы точно подметили: не только женщины, но и мужчины в чужой машине поначалу тушуются, смущаются. Только не я. Моя Женька уже столько машин поменяла, что я даже все и не припомню!

– У нее страсть такая? – удивленный Павел покачал головой. – Довольно редкая для женщин.

– Да какая там страсть? Просто она ездит неаккуратно, а водителя брать не хочет, чтобы не платить. Вот и придумала: как только зацепит машину или ударит, тут же на новую меняет, пока срок гарантии не закончился. Хитрюга такая!

Павел, слушая Глашу, исподтишка разглядывал ее. Она, бесспорно, ему нравилась. Было в ней что-то такое настоящее, чего сейчас уже почти и не сыщешь: неподдельная искренность, легкость и что-то еще, что можно назвать одним словом – натуральность.

Женщина не кокетничала, не рисовалась, не хотела казаться лучше, чем была. Неприятность, естественность и безыскусственность скользили в ее взгляде, жестах и фигуре.

Она не выглядела чрезмерно полной, но была в том деликатном состоянии, которое называют аппетитным и пикантным. Ее пухлые щеки, лицо и руки не казались толстыми и, тем более, не лоснились от жира, но сияли здоровьем, притягательностью и вызвали несомненную симпатию. Глаша представлялась этакой искусительницей, сошедшей с полотен великого Рубенса, ее полнота манила и возбуждала здоровый аппетит. Хотелось ее обнимать, целовать прохладные щеки и смотреть, и слушать, и восторгаться...

Поймав себя на этих мыслях, Павел ничуть не смутился. Он не видел ничего предосудительного в том, что умел разглядеть в женщине ее изюминку.

– А вы знаете, Глафира, у моего сына такие же волосы, как у вас... Рыжие-прерыжие!

– Да вы что? – Глаша, не отрывая взгляда от дороги, улыбнулась. – Здорово. Хотя я всегда считала это своим недостатком. Меня повсюду дразнили. В школе – рыжей, конопатой, в институте – морковкой и лисицей, во дворе – рыжиком. Да и на улицах я иногда ловила насмешливый взгляд. А потом ничего, привыкла. Но вы не рыжий, значит, это жена ваша одарила сына таким цветом?

– А жены у меня нет. Да и не было еще никогда.

– Как это? А сын откуда?

Павел задумчиво поглядел в окно, словно вспоминая давно минувшие дни:

– А это наш новогодний подарок, – он вдруг нежно улыбнулся. – Я Матвея усыновил. Прямо под новый год домой принес. Он у нас приемный.

Глаша вдруг так резко нажала на тормоз, что машина, остановившаяся, как вкопанная посреди дороги, сильно дернулась, громко визжа тормозами.

Павел, ошарашенный этим внезапным маневром, поднял на женщину испуганные глаза:

– Ой! Вы чего? Если бы сзади ехала машина, сейчас бы влетела в нас...

– Простите, – виновато кивнула Глафира, – это я от неожиданности. Я просто в шоке. Как это приемный?

Мужчина, оглядевшись по сторонам, кивнул на дорогу.

– Может, поедем? А то так стоять посреди трассы нельзя. Опасно. Приемный не значит чужой, понимаете? Не чужой!

Заметив, что ошеломленная Глаша с трудом переваривает услышанное, Павел недовольно нахмурился.

– Глафира, не погружайтесь, пожалуйста, в дебри этого странного слова. «Приемный» – это просто набор букв и звуков. А суть гораздо сложнее и глубже. Мой сын мне родней родного. Я его обожаю. И, кстати, он не знает, что не родной нам, так что, будьте добры, меня не выдавайте. Это долгая история. Долгая и не слишком веселая. При случае расскажу, но не теперь. Не хочу в спешке, слишком тема сложная и для меня очень дорогая.

Город, с его пробками, светофорами, тоннелями и эстакадами, остался, наконец, позади. Дорога, словно огромный серый клубок, разматывалась в западном направлении. То там, то здесь мелькали большие указатели с названиями коттеджных поселков, подмосковных городов, небольших деревень, еще не захваченных настырными горожанами, и старых многовековых храмов и монастырей, соседствующих с большими озерами и реками.

Зимний день перевалил далеко за середину. Солнце, с утра бодро улыбающееся людям, утомилось, присмирело, спряталось за серые облака. По выцветшему небу низко поплыли рваные тучи. Серый сумрак надвигался, поглощая яркие краски зимнего дня, стирая четкие очертания и превращая дорогу, машины и придорожные строения в темные загадочные фигуры. Вспыхнули фонари...

– Уже вечерет, – смущенно оглянулся на женщину Павел. – Похоже, я испортил вам весь день. Нарушил все планы.

– Не волнуйтесь, – хмыкнула Глафира. – Во-первых, я сама вызвалась помочь, мама с детства учила, что людям помогать надо. А во-вторых, никаких особых планов у меня на сегодняшний день не было. Случайно оказалась рядом с торговым центром.

Они ехали какое-то время молча. И это молчание, как ни странно, их не только не напрягало, но даже объединяло. Сближало и создавало редкостную атмосферу удивительного уюта и комфорта. В теплой машине тихо звучала музыка, и Глаше вдруг показалось, что она уже лет сто знает этого симпатичного высокого мужчину, который сидел рядом, иногда морщась от боли в ноге.

Свернув с многополосной трассы, они, наконец, съехали на узенькую дорогу, которая заплеталась между деревьями и, затейливо изгибаясь, стремительно побежала вглубь леса.

– Ну, вот, – вздохнул с облегчением Павел, – почти приехали. Вот сюда, направо. По улице до конца. Да, да, вот сюда. Вот и наш дом.

Машина остановилась возле дома, обнесенного высоким забором из красного кирпича с металлическими витыми вставками.

– Ого, – присвистнула Глаша, – да это не просто дом, а целый особняк!

– Обычный загородный дом, – пожал плечами Павел. – Ничего особенного. В нашем коттеджном поселке есть дома и больше, и красивее. Да не торопитесь, мы к дому подъедем поближе.

Ворота медленно отворились. Они въехали во двор и, повернув влево, остановились перед парадным входом, украшенным двумя колоннами.

Мужчина, прикусив губы, поморщился.

– Глафира, если не сложно, можно вашу руку? Помогите, пожалуйста, выйти из машины.

– Болит? – Глафира озабоченно кивнула на ногу.

– Не буду скрывать, – вздохнул Павел. – Болит и, мне кажется, сильнее, чем раньше.

Мороз крепчал. Стемнело. Во дворе вспыхнули фонари, по периметру освещающие огромный участок.

Глаша посмотрела на дом. Окна ярко светились, отбрасывая на снег большие желтые пятна. Сумрак, сгустившийся за деревьями, здесь отступал. И только снег упруго похрустывал под ногами да где-то у соседей недовольно лаяла собака, нарушая сказочную атмосферу вечера.

Глава 10

Услышав шум в прихожей, Матвей выскочил из комнаты, где смотрел новую серию «Маши и Медведя». Хотел, как обычно, кинуться отцу на шею, но, заметив возле него незнакомую женщину, нерешительно остановился.

– Добрый вечер, Павел, – приветливо поздоровалась вышедшая следом за Матвеем женщина.

– Добрый, – мужчина вздохнул. – Значит, теперь вы заступили на вахту. Тогда заодно и познакомьтесь. Это Глафира, моя внезапная спасительница, – усмехнувшись, он обернулся к растерянной Глаше. – И вы, Глафира, познакомьтесь. Это наша незаменимая Нина, которая давным-давно следит за нашим питанием. Она не просто наш повар, а кухонный шеф, технолог и диетолог.

– Ой, скажете тоже, – смущенно отмахнулась Нина и огорченно развела руками. – Вот няня ушла, а ребенок сам себе предоставлен весь день. Это же не дело! Тося уборкой занята, я кручусь на кухне, а Матвейка снова без присмотра. Мы сегодня с ним уж и обед вместе готовили. Надо что-то решать. А что с вами? Что с ногой?

– Ох, и не спрашивайте. Катастрофа. Весь день кувыркком из-за случайности. Позвоните, пожалуйста, Василию Ивановичу, пусть приедет, посмотрит. Хотел сам позвонить, да оказалось, что номера его у меня почему-то нет.

– А что? Авария? – Нина побледнела.

– Нет, нет, – заспешил Павел, – не волнуйтесь. Просто упал. Неудачно. На выходе было скользко, ногу неловко поставил, да еще мальчишка какой-то в меня влетел. Черета случайно-стей. Не пугайтесь. Всякое бывает. Хотя отек очень сильный, поэтому хочу, чтобы наш доктор посмотрел.

– Так рентген надо сначала сделать, – нахмурилась Нина. – Вдруг перелом или вывих!

– Перелома точно нет, а вот вывих или растяжение – доктор скажет. Позвоните.

Нина ушла звонить, а Матвей, молча стоящий в стороне, внезапно сделал шаг вперед.

– Пап, тебе больно?

– Что ты, совсем не больно. Просто нога опухла.

– Пап, а тебя в больницу не положат? – заволновался Матвейка.

– Нет, не переживай, – ласково прищурился Павел.

– Точно? – сын недоверчиво сдвинул брови.

– Точно-точно, – кивнул Павел.

Матвей, немного успокоившись, сделал еще шаг вперед и перенес свое внимание на незнакомку. Настороженно оглядел притихшую Глафиру. Смело подошел еще ближе, присмотрелся. Испытывающе и напряженно рассматривал незнакомую женщину, медленно переводя взгляд сверху вниз.

Вдруг залившись румянцем, обернулся к Павлу.

– Пап, а это кто? Моя мама?

Нина, вышедшая в это мгновение из гостиной, громко ахнула, прикрыв рот ладошкой, а Глаша так растерялась, что чуть не упала, покачнувшись и потеряв от внезапности опору. Павел, сильно смутившись, сосредоточенно отыскивал нужные слова...

– Ну, ты и хватил, братец мой! Прямо в жар бросило. С чего это ты взял, малыш?

Мальчишка сердито топнул и указал пальцем на помертвевшую от неожиданности Глафиру.

– Ну, пап! Ты посмотри на нее. Она такая, как я!

Нина, остановившаяся у двери, подняла глаза на гостью и вздохнула.

– Он, наверное, имеет в виду ваши рыжие волосы. И веснушки. – Она присела на карточки, обняла Матвея за плечи и прижала к себе. – Ну, что? Пойдем, почитаем новую книжку? Но мальчишка недовольно выскользнул из объятий и вернулся к оторопевшей Глаше.

– Ты кто?

Глафира замерла на мгновение, затем наклонилась к ребенку и протянула, как равному, руку.

– Я Глаша. Давай знакомиться?

Матвей недоверчиво насупился, спрятал руки за спину, переступил с ноги на ногу, и вдруг спросил:

– Ты у нас теперь будешь жить?

Павел, уже пришедший в себя после шока от неожиданного вопроса, усмехнулся.

– Матвей, ты сегодня сам себя перешеголял! Что ни вопрос, то тупик. Во-первых, подай Глафире руку, ты же мужчина. А во-вторых, сам подумай, сынок: разве может у нас жить чужой человек? А? Глафира – моя знакомая, понимаешь? Помогла мне, довезла, но живет она у себя дома.

Но Матвей, которому все это объяснение не нравилось, помрачнел, поскукнел и недоверчиво взмахнул ресницами.

– Пап, разве она чужая? Посмотри, она же наша. Она точно наша! Я знаю!

– Чудны дела твои, Господи, – удивленно покачала головой Нина.

А Матвей, уже что-то для себя решивший, наконец, протянул Глафире руку и широко улыбнулся.

– Пойдем играть?

Растерявшись, Глафира обернулась к Павлу. И тот, словно услышав ее безмолвную просьбу о помощи, заспешил:

– Нет, милый. Давай сначала Глафиру напоим чаем, угостим чем-нибудь вкусным. Она ведь сегодня меня спасала, а спасителей надо благодарить, правда?

Матвей кивнул и сам взял Глафиру за руку.

– Ну, ладно, пойдем чай пить. Что стоишь? Пойдем.

Не зная, как вести себя, Глаша покраснела. Но, увидев сияющие глаза ребенка, протянула ему руку и легко кивнула.

– Ну, что ж... Так и быть. Пойдем.

Всем было весело. Павел, морщась от боли, рассказывал, как упал. Потом показывал, как Глафира смело крутила руль, как собирала рассыпавшиеся покупки.

Они дружно хохотали, пили чай, когда на кухню на инвалидном кресле въехал совершенно седой мужчина. Ноги его были накрыты клетчатым пледом, а руки привычно управляли креслом.

Он удивленно оглядел присутствующих.

– Что это вы на кухне устроились? По-моему, у нас в гостиной места много. Да еще и гостью сюда притащили, – он обернулся к покрасневшей Глафире. – Добрый день. Я – Семен Николаевич, отец Павла.

– Папа, ты напугал нашу гостью, – Павел улыбнулся. – Познакомься, это Глафира Сергеевна. Она сегодня меня спасала весь день.

– Скажете тоже, – Глаша растерянно отставила чашку с чаем. – Просто помогла, так любой бы поступил.

Отец внимательно посмотрел на Павла.

– А что такое? От чего тебя Глафира Сергеевна спасала?

– Ничего. Уже все нормально.

– А все-таки?

– Я поскользнулся и упал. Вроде бы не сильно, но ногу все же повредил. Сейчас Василий Иванович приедет.

Семен Николаевич сдвинул брови, помолчал и недовольно вздохнул.

– Надо быть аккуратнее. Ты вечно торопишься. Ну, ладно. Так, а почему на кухне сидите? Нина развела руками.

– Я предлагала в гостиной накрыть, как положено, но Павел отказался. Говорит, на кухне уютнее.

– Понятно, – мужчина усмехнулся. – Тогда и мне чайку, Ниночка, наливай.

Они все с удовольствием пили чай, ели пирог с капустой, угощались вареньем из айвы и много смеялись.

Пока приехавший доктор осматривал ногу Павла, Глаша, чувствуя себя неловко, собралась уезжать. Извинившись, она взяла телефон, чтобы заказать такси. Но Матвей, словно что-то почувствовав, схватил ее за руку.

– Глаша, оставайся у нас ночевать!

– Ой, что ты, – улыбнулась Глафира, – мне домой нужно.

– Кто тебя дома ждет? – мальчишка недовольно сдвинул тоненькие бровки.

– Мама ждет, собака...

– Ух, ты, – глаза у мальчишки загорелись. – У тебя собака есть? Какая? Как ее зовут?

Глафира, смеясь, пожала плечами.

– Наверное, овчарка. Зовут ее Федор.

Все недоуменно обернулись к ней, а Семен Николаевич усмехнулся.

– Почему Федор?

– Просто Федор, и все, – смущенно глянула на него Глаша. – Я ее на улице нашла. Жалко стало, пустила в дом, она так и осталась...

– Ты добрая, – Матвейка схватил ее ладонь и прижался к ней щекой. – Ты собаку спасла, папу моего спасла. Ты всех спасаешь?

Нина, собирая посуду со стола, глянула на Глафиру.

– Ну, все. Теперь вы у Матвейки герой дня. Он так собак любит, что всех на улице готов перецеловать.

Глаша встала из-за стола.

– Простите, мне давно пора. Я хочу такси вызвать.

– Этого еще не хватало, – Семен Николаевич предупредительно поднял руку. – Никакого такси! Мой водитель вас отвезет. Сейчас он подаст машину, минут через пять, – он глянул на внука. – Не можем же мы спасительницу собак и мужчин отправить на такси? Да, внучок?

– Ага, – Матвейка благодарно обнял деда за шею. – А ты увидел, что она такая же, как я?

– Да? – мужчина внимательно посмотрел на внука. – Что ты имеешь в виду?

– Ну, вот же! Смотри на волосы, – Матвейка сердито указал пальцем на свои волосы.

Семен Николаевич задумчиво перевел взгляд на Глафиру, усмехнулся, ласково погладил внука по голове.

– Да. Вижу, наша гостя такая же рыжая, как и ты, милый мой. А рыжие люди, говорят, особенные.

– Да-да, – подхватила Нина, вытирая полотенцем вымытую посуду. – Их солнышко поцеловало. Есть даже легенда такая, что каждый рыжий человек – это лучик солнца, оживший и несущий в мир свет и добро. А веснушки – это солнечные зайчики. Все рыжие люди – дети солнца.

– Ого, – Семен Николаевич засмеялся, – значит, ты, Матвейка, – солнечный зайчик!

По дороге домой Глафира задумчиво глядела в окно.

День пролетел. Обычный и необычный. Долгий и короткий. Такой странный, наполненный волнениями, новыми знакомствами и удивительными событиями.

Глаша, сидя на заднем сидении большой машины, с тихой улыбкой вспомнила, как в прихожую приковылял после осмотра Павел и, узнав, что она уезжает, взял с Глаши слово не пропадать. Он потребовал ее номер телефона.

– Должен же я знать, как вы доехали. Правда, Дмитрий отличный водитель, но все-таки я должен быть в курсе. Обещаете позвонить?

Матвейка, видя, что гостя, несмотря на его уговоры, все же их покидает, вдруг расплакался.

Обнимая Глафиру за плечи, он уткнулся мокрым носом ей в шею и все просил:

– Оставайся с нами, Глаша! Ну, оставайся!

Семен Николаевич, ухмыльнувшись, жестко выдохнул:

– Хватит, Матвей! Будь мужчиной. Прекращай рыдать! Пойдем спать укладываться. Иди за мной, быстро!

Глаша ехала долго. Темнота быстро сгущалась и бесформенными чернильными кляксами опускалась на мокрую дорогу. В машине было тепло и уютно, негромко звучала музыка, за окном шел снег. Редкие, но замысловатые, словно вырезанные из белоснежной бумаги, снежинки легко кружились, медленно падали на землю, на стекло машины, на деревья, стоящие у дороги, будто бдительные часовые.

Тишина и густая тьма царствовали повсюду. И только свист ветра да хруст веток, случайно оказавшихся под колесами, нарушали спокойствие Глаши и ее невольное уединение. Ни редкие встречные машины, ни звуки музыки, ни постукивание щеток по стеклу не мешали ее внутреннему покою и равновесию. Этой нечаянной гармонии, которая возникает только когда душа обретает счастье...

Глава 11

Евгения подругу не узнавала. Такое состояние внутренней тишины и странного, подозрительного спокойствия бывало у Глафиры нечасто. Это случалось в минуты сильного душевного потрясения, неожиданного волнения или перед надвигающейся бурей.

Евгения точно помнила, что такая отрешенность была у Глафиры после смерти бабушки, после расставания с Глебом и после выпускного вечера в школе. Подруга затихала, словно сосредоточивалась, концентрировалась, собиралась с духом, выбирала дальнейший путь и способ существования. Она не разговаривала, молчала целыми сутками, ела много сладкого и не брала трубку телефона.

Женьке все это не нравилось. Во-первых, она переживала за свою взбалмошную подругу, во-вторых, хотела быть в курсе всех ее дел, и, в-третьих, считала, что Глаша, по доброте душевной своей, не умела за себя постоять. И явно осознавала, что никто, кроме нее, Глафиру не защитит.

Евгения видела, что после неожиданного случая у входа в известный торговый центр Глафира присмирела. Она все время о чем-то думала, отвлекалась от разговоров, долго гуляла по улицам со своей собакой Федором. На все расспросы Женьки она лишь пожимала плечами и загадочно улыбалась, чем сразу выводила подругу из себя.

- Что ты молчишь? – нервничала Евгения. – Что с тобой случилось там, за городом?
- Ничего, – отводила глаза Глаша.
- Как ничего? Отчего ж ты все время грустишь?
- Не грущу я, не выдумывай.

Прошел день, два, три... Прошла неделя. И тогда Евгения, как обычно, пошла в наступление. С утра она, сговорившись с Глашиной мамой, заехала за подругой, когда та еще спала. Ничего не понимая, Глафира села в пижаме на кровати, сонно потирая глаза.

– Ты спятила, Женька? Что ты там еще выдумала? Дай выспаться!

– Вставай, лежебока, – Евгения безжалостно потянула ее с кровати. – Иди умывайся. Но косметикой не пользуйся!

– Почему это? – Глаша подозрительно прищурилась. – Мы в баню, что ли поедем?

– Нет, – ухмыльнулась довольная подруга, – не в баню.

– А куда?

– В салон.

– Зачем? – насторожилась Глаша.

– Я решила, что сегодняшний день мы посвятим тебе!

– Как это? Что значит, посвятим?

– А вот так, – захохотала Евгения. – Будем поднимать тебе настроение, приводить тебя в чувство, украшать и одевать.

– О, боже, – ужаснулась Глаша, – только не это! Я остаюсь дома!

– Ну, уж нет, – Евгения оглянулась на свою сообщницу, маму Глаши, и подмигнула ей, призывая на помощь.

Вера Павловна сразу кинулась в бой:

– Конечно, Глашенька, сходите, погуляйте, развейтесь...

– Мама, да от чего отдыхать? У меня полно дел, и мой единственный выходной я не хочу провести в салоне!

– Ну, все, хватит сопротивляться, – Женька подтолкнула подругу к ванной. – Давай, быстро!

Схватившись за голову, Глаша застонала, но все-таки встала с кровати, собралась и, тихо потягиваясь, потащила за Евгенией.

Женька устроила подруге феерический день. Сначала они приехали в шикарный салон Евгении. Здесь Марк, лучший стилист, холеный молодой человек, избалованный богатыми клиентками, критически оглядел свою подопечную. Поджав губы, скептически осмотрел ее лицо, волосы, одежду и недвусмысленно хмыкнул, но, поймав сердитый взгляд хозяйки, тут же улыбнулся, не решившись озвучить свои истинные мысли. Манерно вздохнув, он жеманно повел плечами.

– Цвет вы, естественно, менять не захотите?

– Нет, конечно, – испуганно вскочила с кресла Глаша. – Я за свой рыжий даже в бой пойду!

– Понятно, – демонстративно вздохнул стилист. – Тогда что? Моем голову, стрижемся и укладываем?

– Только самые кончики, – умоляюще посмотрела на него Глаша. – Не убирайте длину.

– Ты, Марк, девушку не пугай, – властно оборвала гламурные рассуждения мастера Евгения. – Приступай к делу. Не просто укладываем, а делаем такую прическу, чтобы все мужские особи оглядывались.

– Не нужно мне этого счастья, – пискнула Глаша.

– Не нервничай, подруга. Ты свою красоту не умеешь подчеркивать, тогда это сделаю я.

Прикусив язык, Глафира обреченно отдалась в руки Марка. Пока он занимался ее непослушной рыжей шевелюрой, к ней подседа со своим столиком мастер маникюра и принялась старательно шлифовать ее ногти и наносить выбранный хозяйкой салона яркий гель.

Глаша, сломленная напором Евгении, уже не сопротивлялась. Свою подругу она знала прекрасно и понимала: если та что-то решила, то пойдет, словно танк, напролом.

Боясь громких конфликтов, Глаша решила вообще не спорить. Однако вскоре она поняла, что решение это было опрометчивым. После укладки волос и маникюра Евгения пересадил ее в другое кресло.

Ничего не понимая, Глафира осторожно поинтересовалась:

– Еще что-то? Вроде бы уже все сделали.

– Да что ж мы, скажи на милость, сделали? – отмахнулась подруга. – Это только начало.

Присмирив, Глаша безропотно вжалась в кресло, дожидаясь таинственного продолжения.

Ждать пришлось недолго. Ласково улыбаясь, к ней подошла молодая женщина с большим бюти-кейсом. Испуганно глянув на него, Глаша облизала пересохшие губы.

– Ой, а что вы собираетесь делать?

– Сейчас вы станете неузнаваемой, – ослепительно сверкнула белоснежными зубами дама. – Макияж добавит вам красоты и блеска.

– Да не хочу я быть неузнаваемой, – вскочила с кресла Глафира.

Оглядываясь в поисках подруги, она попыталась незаметно улигнуть, но дама, получив жесткие указания хозяйки, стояла насмерть.

– Не торопитесь. Сопротивление бесполезно. Евгения попросила сделать вам самый лучший макияж, а шефа я послушаться не могу.

Глафира плюхнулась в кресло и, посмотрев на свое отражение в огромном зеркале, пожалела плечами.

– По-моему, все и так неплохо. Мне нравится.

– Конечно, – снисходительно кивнула вышколенная дама. – Но вы как алмаз. Знаете же, что не ограненный он даже не блестит, а побывав в руках ювелира, сверкает так, что люди голову теряют.

– Ладно уж, – махнула ладошкой Глаша. – Сверкать так сверкать!

– Вот это правильно, – обрадованно засуетилась дама.

Когда Глафира, наконец, получила свободу и через час вошла в кабинет Евгении, та просто онемела.

– Глашка, ты богиня, – пробормотала она.

– А то, – довольно приподняла бровь Глафира. – Только я и без твоих мастеров это знала.

– Врешь ты все! Ничего ты не знала. Погрязла в своих комплексах. Ходишь как старуха: сутулишься, ногами шаркаешь, прическу не делаешь.носишь дурацкие растянутые свитера! Жрешь свои булки и шоколадки. А ведь ты можешь быть другой! Только посмотри, как ты хороша! И полнота твоя вдруг стала такой аппетитной, притягательной, гармоничной... Вот куда мужики смотрят?

– Я не поняла, – возмущенно надула губы Глафира. – Теперь каждый раз, когда тебе не понравится мое состояние, ты будешь заставлять меня проходить через эти экзекуции? После Глеба, помнится, было то же самое. Только вот я не поняла, что тебя сейчас насторожило? Живу как всегда. Работаю, читаю, гуляю с собакой...

– О, началось, – Евгения, сморщившись, передразнила подругу: – работаю, читаю, гуляю... Фу! А где блеск в глазах, любовь, секс? Радость, объятия, вино, мужчины?

– Ой, куда тебя понесло? – перепугалась Глаша. – С чего бы это? И зачем?

– Хватит притворяться, подруга. Я же вижу, ты уже неделю сама не своя ходишь!

– Так мужчины здесь ни при чем!

– В общем, план такой, – махнула рукой Евгения.

– Нет, нет, нет, – схватила ее за руку Глаша. – Никакого плана! Хватит на сегодня, пожалуйста! Едем домой! Пора ужинать.

– Ты спятила? – неугомонная Евгения возмущенно округлила глаза. – Что ж мы напрасно, что ли красоту такую делали полдня? Сейчас в магазин за платьем, потом в ресторан.

– Господи, – застонала Глаша.

– Не стони! Платье уже отложено, столик заказан! Вперед!

Не понимая цели сегодняшнего мероприятия, но чувствуя бесполезность возражений, Глафира молча последовала за своей мучительницей. Евгения, которая еще вчера отложила платье для подруги, критически оглядела ее в новом наряде болотного цвета и милостиво кивнула.

– Отлично. Ты как царевна-лягушка. И с размером я не ошиблась. Берем.

Ресторан блистал светом огромных люстр, белоснежными скатертями и приветливыми лицами услужливых официантов.

Усевшись за столик, Евгения обернулась к застывшему в ожидании молодому человеку.

– Не торопите нас, мы выберем и позовем.

Оглядевшись, Глафира наклонилась к подруге.

– Скажи на милость, зачем мы здесь? Только честно...

– Скажу, – Женька загадочно усмехнулась. – Устала я смотреть, как ты жизнь свою изводишь на пустяки. Вот и решила подтолкнуть тебя к счастью.

– Что? – опешила Глаша. – Опять сватать будешь? Нет! Ни за что!

– Да подожди кипятиться! Я правда хочу тебя познакомить с одним человеком, очень достойным и порядочным. Это брат моей постоянной клиентки. У них семья прекрасная. Правда, чопорная немного, но тебе это не помешает. Да и потом, ведь насильно никто тебя замуж не отдаст, правда? Просто давай познакомимся, поговорим, а если нет – так нет. Ну?

– Да не хочу я ни с кем знакомиться специально, понимаешь?

– Нет, не понимаю! За спрос, как говорится, денег не берут. Посмотри на него, вдруг сердце екнет? Мы уже в таком возрасте, когда только специально и можно познакомиться. Ты ж на дискотеку не ходишь, в клуб «Кому за сорок...» тоже не пойдешь, правильно? В транспорте не станешь знакомиться, а в библиотеку к вам только школьники да пенсионеры ходят. Ну, где ж тебе знакомиться? Так и помрешь старой девой.

Глаша, расстроенная нарисованной перспективой, понимала, что подруга права, но все равно огорченно шмыгнула носом.

– Женька, как мне надоела твоя опека! Как утомили твои бесконечные попытки меня пристроить, осточертели до чертиков твои безумные уловки! Ты со своими хитрыми задумками надоела мне хуже горькой редьки! Отстань! Отстань от меня!

– Это на всю жизнь. Просто смиришься, – ласково подмигнула Евгения.

Они заказали кучу вкусностей, но едва Глаша, взяв в руки вилку, собралась пуститься во все тяжкие, как Евгения, оглянувшись, тихо прошептала:

– Прекрати обжорство. К нам идет человек. Вон тот... Чуть не подавившись, Глафира быстро проглотила кусок не прожеванной до конца рыбы, и, отложив вилку, наткнулась взглядом на мужчину, стоящего у их столика.

Высокий, статный, черноволосый, белолицый... Но что-то сквозило в его лице, отчего Глаше хотелось передернуть плечами и брезгливо сморщиться – то ли слишком откровенный, нагловатый взгляд, то ли ярко-красные влажные губы, то ли крупные, чрезмерно отбеленные зубы.

Глаше он не понравился сразу. Ей все в нем казалось избыточным. Чрезмерным и нарочитым.

Мужчина важно представился Степаном, деловито осмотрелся и по-хозяйски уселся рядом с Глашей. Он слишком громко смеялся, долго и тщательно пережевывал пищу, часто облизывал губы, откровенно рассматривал ее, все время цепляясь взглядом за грудь.

Время тянулось долго, будто специально растягивалось и застревало в пространстве. Минуты становились длиннее и тягучее...

Глаша, изведаясь и нервничая, уже сто раз моргала Женьке, сигнализируя о том, что пора закругляться. Подруга не реагировала. Тогда Глафира решительно ткнула ее ногой под столом. Подруга, отодвинув ногу подальше, виду не подавала и продолжила, как ни в чем не бывало, светскую беседу. Уставшая Глаша, вконец измученная навязчивым и откровенным вниманием гостя, изловчилась и опять толкнула подругу ногой, призывая прекратить затянувшуюся встречу. Но Евгения, уловив момент, лишь незаметно показала Глаше кулак и мило улыбнулась Степану.

– Я-то уже знаю, а вот Глаша – нет. Расскажите ей о своей профессии, думаю, это интересно.

Глафира, вынужденная поддерживать беседу, посмотрела на собеседника. Тот, зардевшись от радости, стал подробно рассказывать ей о своей работе так восторженно, будто он был космонавтом. На самом деле Степан работал зубным техником. Услышав это, Глаша грустно вздохнула: «Понятно, отчего у него зубы так блестят».

Наконец, утомившись от разговоров, мужчина поднял бокал за присутствующих дам и, откровенно облизнувшись, наклонился к Глаше.

– Вы позволите пригласить вас завтра в театр?

Глаша, перепуганная его белоснежным оскалом и бесстыдным буравящим взглядом, беспомощно вжалась в стул.

– Я, к сожалению, завтра не смогу. Работаю в вечернюю смену.

Степан томно взмахнул ресницами и призывно сложил влажные губы.

– Тогда, может, послезавтра я приглашу вас в гости? Я живу один, послушаем музыку, поужинаем...

Глаша, мгновенно вспотев от такой перспективы, отчаянно замотала головой, стараясь не смотреть на Женьку, делающую ей «страшные глаза».

– Нет. Спасибо. Не получится. Я очень занята всю неделю. Извините.

Мужчина, очевидно, ожидавший легкой победы, недоуменно обернулся к Евгении.

– Ну и несговорчивая у вас подруга!

– Она просто много работает, ей трудно выбраться, – заспешила Женька.

– Незаменимых у нас нет, – Степан, обиженно шмыгнув носом, облизал губы и гордо вздернул подбородок. – Было бы желание. Прошу прощения, я должен вас покинуть. Мне пора. Извините. Спасибо за компанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.